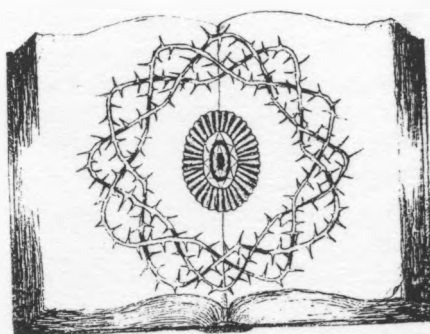

№ 8 (137)
1996 г.

ГОЕЛИЯРА БЕЛГ

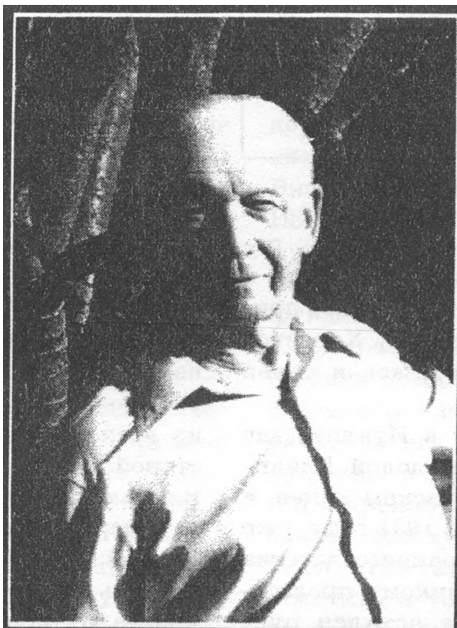
МОСКВА

ЛЮДИ БЕЛОГО ДЕЛА ПАМЯТИ В.В.ЗВЕГИНЦОВА

Скончался Владимир Владимирович Звегинцов...

От нас ушел человек, чьи труды составили целую эпоху в русской исторической науке, сам олицетворявший и эту эпоху, и плеяду подвижников, которые, оказавшись — географически — вне своей Отчизны, духовно оставались неразрывно связанными с ней, посвятив свои жизни сохранению памяти о ее славном прошлом и, даже вне России, после окончания Белой борьбы за ее честь, — продолжая вершить свое Русское, свое Белое Дело.

«Белое дело не нами началось, не нами и кончится. Но силу исторических судеб нам пришлось поднять ныне его знамя в России, и мы несем это знамя с чувством величайшей духовной ответственности. Не мы создали его: оно древне, как Русь; мы только стали под него, опять, как бывало, в час смуты и разложения», — писал в 1926 году И.А.Ильин, год спустя как бы продолжив эту же мысль: «Гражданская война против интернационалистов и коммунистов была **лишь первым проявлением** его, его **героическим, военным** началом; и впереди его ждет трудное, но славное будущее. Это есть движение **национального рыцарства**... Его цель — религиозное, государственное и культурное **величие России**». Когда писались эти слова, сыну Белого офицера Владимиру Звегинцову

Фотография и ряд ценных биографических сведений предоставлены Михаилом Владимировичем Звегинцовым и Андреем Димитриевичем Шмеманном (Париж), которым редакция «Военной Были» выражает искреннюю признательность.

у было всего 13 лет, и впереди у него были еще долгие годы кропотливой работы историка во славу Великой России и в память о ее героях.

Он родился 1 ноября 1914 года в Царском Селе. Отец его, Владимир Николаевич, за три года до

этого выпущенный из Пажеского Корпуса, был Кавалергардом; мать — урожденная Раевская — происходила из известной фамилии, давшей России немало славных военных деятелей и полководцев, в том числе — прославленного генерала, героя Отечественной войны 1812 года, правнучкой которого по прямой линии была Анастасия Михайловна Звегинцова. Владимир Николаевич Звегинцов, вышедший на фронт в 1914 году корнетом № 4-го эскадрона, проделал в рядах своего прославленного полка всю Великую войну и эпопею Добровольческой Армии, в которой возрожденная под Кавалергардским штандартом полковая

ячейка сражалась в Таврии, участвовала в походе на Москву, отступлении и героической обороне Крыма (боевой путь полка в 1914 — 1920 гг. был позднее описан В.Н.Звегинцовым в его трехтомном труде «Кавалергарды в Великую и Гражданскую войну»). Семья его, также уехавшая после революции на Юг России (там родился второй сын — Михаил), покинула Родину в марте 1920 года с Новороссийской эвакуацией, а полковнику Звегинцову еще довелось до окончания войны выполнить чрезвычайно важное поручение Главнокомандующего генерала Врангеля. Владимир Николаевич был послан дипломатическим курьером к сербскому Королевичу Александру (впослед-

В. В. Звегинцовъ

РУССКАЯ АРМІЯ

1914г.

ПОДРОБНАЯ ДИСЛОКАЦІЯ
ФОРМИРОВАНІЯ 1914-1917
РЕГАЛІИ И ОТЛИЧІЯ

Парижъ, 1959г

ствии Король Югославии Александр I), с которым он вместе учился в Пажемском Корпусе; результатом этой миссии стала договоренность о предоставлении тысячам русских изгнанников приюта и службы в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. В Сербии воссоединилась и семья Звегинцовых.

В 1922 году они переезжают в Италию, где остаются до 1928 года. В Риме молодой Владимир Звегинцов учится во Французском лицее, а завершает среднее образование, в 1931 году, уже после переезда в Париж. Но, с раннего детства впитав любовь к России и ее великому прошлому, он не стал «европейцем», а остался русским. Владимир рано начал читать книги по истории, в которых его особенно привлекало все, что касалось славы Русского оружия. Увлекался он и оловянными солдатиками, и детская игра эта стала, быть может, началом большой и серьезной работы.

«Мы были магами и понимали тогда, — вспоминал о своем петербургском детстве И.С.Лукаш, — что наши оловянные солдатiki куда любопытнее и живее тех больших солдат, которые идут с узелками из бани, враз хрустя снегом, все в бескозырках с белыми околышами и все с красными лицами, дымными от мороза...» Проходили годы, и наивные детские фантазии приобретали

неожиданный, новый смысл, вырастая в символ Русской трагедии.

«Большие» и «настоящие» солдаты разошлись с фронта, бросив Россию в беде. На смену им пришли «полки» в 60 — 100 человек, подчас состоявшие из детей и инвалидов. «Игра в солдатiki», — пренебрежительно говорили тогда высокоученые генштабисты об этих добровольческих полках и партизанских отрядах. «Игра в солдатiki», — с недоумением отзывались несколько лет спустя русские беженцы о Галлиполийском лагере, где Белые генералы вновь делали из растерянных остатков разбитой Армии — сплоченные полки русских солдат. «Игра в солдатiki», — с озлоблением и ненавистью кричали потом многие — слишком многие! — эмигрантские газеты о деятельности воинских союзов, о полковых объединениях, полковых знаменах, памятках и историях... Пусть даже так. Пусть — когда, по страшному выражению современника, «Россия перестала быть», от былого могущества и славы осталась только потертая краска мундиров на оловянных фигурках... Но мы ведь знаем, что все эти «оловянные солдатiki» и в самом деле оказались живее и... вернее «настоящих», «больших» солдат.

История и историческая память начинаются иногда с малого. Зародившись в детстве, этот интерес Владимира Звегинцова окреп и усилился благодаря работе в Русских юношеских организациях, особенно в Национальной Организации Витязей (основанной добровольцем Северо-Западной Армии Н.Ф.Федоровым) и Национальной Организации Русских Разведчиков, «которая, — по довоенному отзыву В.В.Звегинцова, — из всех юношеских больше всего ценит заветы старой армии». Эту свою деятельность Владимир Владимирович продолжал на протяжении многих лет, передавая новым поколениям русской зарубежной молодежи свои знания, любовь и веру в Россию. Благодаря его воспитательской работе многие усвоили «Русский дух», став и оставшись русскими людьми, навсегда сохранившими любовь к своей далекой Родине. Такую же любовь, живой интерес ко всему русскому привил Владимир Владимирович и двум своим сыновьям, Степану и Николаю. А об одном из своих младших друзей В.В.Звегинцов так писал нам: «Когда я с ним познакомился, он русским не владел, но любовь к Армии, мундиру, особенно оружию и даже флоту привела его к довольно приличному знанию русского». Рискнем предположить, что немалую роль здесь сыграли также авторитет и обаяние личности самого Владимира Владимировича...

В 1935 году, завершив высшее образование в известной Коммерческой Школе в швейцарском

городе Невшатель, В.В.Звегинцов получает работу в Париже. К этому же времени относится и его первая, насколько нам известно, серьезная работа по сохранению свидетельств Отечественной истории: составление собрания русских военных песен, которых к 1939 году у него насчитывалось уже более восьмисот (разделы: «Гимны, торжественные песни, сигналы»; «Полковые песни»; «Песни обще-солдатские, по родам оружия»; «Песни военно-исторические»). «Он уже сделал большое дело, — писал тогда историограф Лейб-Гвардии Финляндского полка, полковник Д.И.Ходнев, о 24-летнем историке. — Он любит Россию; он любит русскую старину; он любит русскую армию. Побольше-бы таких молодых людей, и — не страшно тогда за грядущую Россию!»

Вторая Мировая война не затронула В.В.Звегинцова: не будучи французским подданным (до самой смерти он остался Русским эмигрантом, не взяв чужого паспорта), он не был призван в армию и на войну не попал. В 1946 году он поступает на службу в Международную Коммерческую Компанию, где и остается до выхода на пенсию. Занимаясь главным образом организацией конгрессов в разных странах, чему помогало его знание семи иностранных языков, Владимир Владимирович имел возможность много путешествовать и многое повидать. В то же время, расширяя и углубляя свои знания по истории Российской Императорской Армии, он постепенно становится уникальным специалистом. В 1959 году он издает «Формы Русской Армии 1914 года» и справочник «Русская Армия 1914 года», в 1961 — 1962 гг. появляется его «Хронология Русской Армии, 1700 — 1917» (в трех частях), в середине 1960-ых — «Знамена и штандарты Русской Армии от XVI-го века до 1914 года» (две части и альбом рисунков), а с 1968 года начинается выход в свет труда «Русская Армия», состоящего из семи частей и завершено лишь в 1980 году.

Каждому историку известно, что наиболее трудной и ответственной является работа по составлению энциклопедических справок, требующая максимальной полноты и конкретности, и тем значительнее заслуга В.В.Звегинцова. «На протяжении всей обширной книжки так и мелькают слова: сформирован, наименован, влился, присоединен, причислен, отчислен, обращен, расформирован и т.д., — писал в 1962 году полковник Ходнев о «Хронологии Русской Армии». — Все эти слова, такие обычные в нашем обиходе, — для составления труда требовали серьезной научной, кропотливой, усидчивой работы. Сколько — и каких — изысканий, сравнений, изменений и поправок пришлось проделать автору, чтобы достойно

закончить свой труд со спокойной совестью: Русская военная старина, история Русской Армии — действительно в этом труде увековечена!»

«Восприяв наследственно горячую любовь к Родине и Русской Армии, Владимир Владимирович Звегинцов жертвенно отдает всего себя в этой работе, в служении России, — подчеркивал Д.И.Ходнев в другой рецензии, к которой присоединилась и редакция опубликовавшего ее журнала «Часовой». — Низкий и душевный ему поклон от всех нас, имевших счастье и честь служить в рядах Российской Императорской Армии!» — И в этих словах престарелого воина, Царского и Белого офицера, получившего воспитание еще в прежней, Императорской России и сражавшегося за нее с 1914 по 1920 год, сказанных о «штатском» историке, представителе уже второго поколения русских изгнанников, — звучит признание не просто заслуг, но и, в первую очередь, — **общности** самоотверженного служения, общности Дела, свершаемого во имя своего Отечества.

О научном значении перечисленных трудов В.В.Звегинцова говорит хотя бы такая его фраза, брошенная в письме к одному из его московских корреспондентов: «В мою книгу («Хронология Русской Армии». — *Ред.*) вошло много того, что у Висковатова не было сказано, но было взято из Полного Собрания Законов, Приказов по Военному Ведомству и т.д.». Здесь достойны удивления не только сама возможность дополнений к фундаментальнейшим трудам А.В.Висковатова и К.К.Пиратского, но и то, что дополнения эти были сделаны Владимиром Владимировичем в условиях, совершенно несопоставимых с теми, в которых работали его знаменитые предшественники: на чужбине, в одиночку, без Высочайших милостей и поощрений, без помощников и коллектива первоклассных художников, а иногда — и просто при недостатке самой необходимой информации (надо отметить и то, что в это же время в СССР никакие научные и академические коллективы не оказались способными сделать что-либо подобное работам В.В.Звегинцова)... «После Пиратского выходило, вплоть до 1900 года, продолжение в красках. В нем, вероятно, около 180 листов, и в Нац[иональной] Библ[иотеке] в Париже их около 60-ти, — вспоминал В.В.Звегинцов. — ...В Париже в Нац[иональной] Библ[иотеке] я нашел в одном переплете около 80 листов Белюсова (серия из 122 рисунков, изображающих Императорскую Гвардию, 1827 — 1828 гг. — *Ред.*), а [в] другом еще около 20-ти, но никто не указал на связь между обоими собраниями... В Париже я когда-то работал в Военной Библиотеке над Приказами по Военному Ведомству, от 1881

до, кажется, 1910 года...) Так по крупницам соби-
рался материал для труда, ставшего классическим
уже при жизни его автора. (К сожалению, скромно
изданные — на ротаторе, тиражами около 100
экземпляров, с контурными рисунками, предназ-
наченными для раскрашивания вручную, — все
эти книги не получили заслуженного ими широ-
кого распространения и еще ждут своего переиз-
дания в России). В процессе сбора материалов Вла-
димир Владимирович обращался и к содействию
парижской «Военной Были», задавая на ее стра-
ницах вопросы о том, что ему представлялось ма-
лоизвестным или требующим уточнений (о знаме-
нах Военных Училищ и Кадетских Корпусов, мас-
тях коней в различных кавалерийских полках, пра-
ве прохождения пехотных частей «ружья на руку»...).

Работа В.В.Звегинцова вообще пользовалась
вниманием со стороны редакции «Военной Были»,
многолетним другом и сотрудником которой был
и его отец, печатавший в журнале много-
численные статьи по истории Кавалергардского
полка. А.А.Геринг постоянно публиковал сообще-
ния о выходе в свет новых трудов Владимира
Владимировича, а в распространении «Хроноло-
гии Русской Армии» даже принимал непосред-
ственное участие (выписывать книгу можно было,
кроме ее автора, в редакции «Военной Были» и
газеты Обще-Кадетского Объединения «Вестник»).
На основе этой же книги делались редакционные
примечания к некоторым публикациям, да и сам
Владимир Владимирович неоднократно выступал
на страницах журнала с поправками, замечаниями,
ответами на читательские вопросы — о составе
пехотных дивизий, о Пограничных батальонах
XVIII века, о ношении погон и эполет, о флюге-
рах уланских полков, о форме обмундирования
гусар, авиаторов, кадет...

Очевидно, масштабы работы историка были
слишком велики для объема журнальных пуб-
ликаций, так что специально подготовленных для
«Военной Были» материалов за подписью В.В.Зве-
гинцова нам известно лишь два: «Русские войс-
ка на острове Джерзей в 1799 — 1800 гг. Выдер-
жки из старого дневника» (№ 106, сентябрь 1970
года) — перевод старинной английской рукопи-
си, со вступительными заметками, примечания-
ми и исправлениями ошибок и неточностей, — и
«Добровольческие части в Сибири» (№ 90, март
1968 года) — статья, показывающая интерес ав-
тора и к истории Гражданской войны и, по-ви-
димому, существовавшее у него в свое время
желание продолжить свой труд, распространив
его и на эпоху, следующую за гибелью Россий-
ской Империи.

Однако, за исключением упомянутой публи-
кации, эти намерения так и не пошли далее чер-
новых набросков. «Я со временем убедился, что
при частых изменениях, связанных с успехами и
неудачами, эти списки можно сравнить с мгно-
венной фотографией футбольного матча», — пи-
сал нам В.В.Звегинцов в 1993 году, отмечая: «Лично
я ничего с этим материалом не могу предприни-
мать». Однако, думается, была и другая причина,
упомянутая Владимиром Владимировичем в сле-
дующем письме: «К сожалению, ничем не могу
помочь в истории гражданской войны. Для меня
она всегда была как роман с грустным окончани-
ем, который читать неохота. Иначе, за все эти
годы, когда столько было в живых участников,
можно было набрать много сведений. Но, право,
как-то не тянуло к этой грустной эпохе. К тому
же, сам мало зная, краем уха слышал споры,
пререкания и нарекания по адресу тех или иных
генералов Белого Движения, от Корнилова до —
особенно — Атамана Семенова, и это только еще
больше отталкивало». Историк, посвятившему
себя изучению славных страниц прошлого Рос-
сии, больно было обращаться к периоду време-
ни, характеризовавшемуся генералом Деникиным
как эпоха «общего развала, падения дисциплины
и нравов» и завершившемуся столь трагически. Ду-
шевные раны кровоточили...

Приведенные выше цитаты взяты из писем
Владимира Владимировича редакции уже мос-
ковской «Военной Были». Им предшествовало об-
ращение редакции к старейшему русскому воен-
ному историку с вопросом о правомочности приня-
тия журналом имени своего славного предше-
ственника. Сразу же откликнувшись («Ваша ини-
циатива меня очень и очень обрадовала... Можно
только приветствовать авторов и отдать дань их
стараниям, в теперешней трудной обстановке»),
Владимир Владимирович передал наш вопрос и
выступил с «ходатайством» за нас перед руковод-
ством Объединения Кадет Российских Кадетских
Корпусов во Франции, являющегося официаль-
ным правопреемником прекратившего свое су-
ществование Обще-Кадетского Объединения — из-
дателя парижской «Военной Были». Не говоря
даже о том, что столь авторитетное признание
(неоднократно подтвержденное в последующих
письмах) стало ощутимой поддержкой в нашей
работе, отрадой для нас было уже одно то, что
в последние годы его жизни Владимиру Вла-
димировичу Звегинцову доставило радость
возобновление — в России! — издания, с которым
он был тесно связан немало лет и которое всегда
было чем-то большим, чем «просто» «один из»

военно-исторических журналов. И когда, на фоне скорбных воспоминаний («[Полковые объединения] с годами потухали, как свечи, одно за другим. Думаю, что в настоящее время, кроме нашей Кавалергардской Семьи и Лейб-Казачков, других не осталось. А были дни, когда на полковом обеде 18 сентября читались поздравления от буквально всей Гвардии и от “кунаков” Лейб-Эриванцев»; «Сколько прошло лет... и никого в живых не осталось. Вся Гвардия на кладбище Сент-Женевьев...»), мы читали: «Молодцы, ребята, и честь вам всем и слава, что подобрали упавший факел и с достоинством его несете», — мы радовались не столько похвале — не нам, не нам, но Имени Твоему! — сколько тому, что оказались в силах дать дорогому другу нашего журнала одно из подтверждений, что дело его жизни — восстановление памяти о подвигах Русского Воинства — не забыто и не брошено в России.

Ведь речь, в сущности, не только о «Военной Были», как бы дорога она нам ни была. Речь идет именно о России, которую так любил и о которой с таким состраданием писал Владимир Владимирович: «Россия переживает голод и физический, и духовный... Дай ей Бог спастись и хоть как-то, но остаться единою...» — и о том, что его многолетняя работа известна и нужна на Родине.

Конечно, не от нас первых он узнал об этом, еще задолго до возрождения «Военной Были» завязав переписку, а затем и личное общение с историками, занимавшимися ратным прошлым России, и радушно принимая в своем доме в Гийанкуре (предместье Парижа) тех, кому доводилось посетить Францию. Владимир Владимирович и сам неоднократно приезжал в Россию, пользуясь возможностью для новых знакомств, общения и содружества. К сожалению, последней поездке, которую он планировал и на которую надеялся («Надеюсь, сможем встретиться, познакомиться и,

конечно, отбросить окончательно титулование “по отчеству”: отдайте о сем приказ в “Военной Были”!!!» — из письма В.В.Звегинцова), состояться уже не было суждено...

Французские власти (несмотря на то, что Владимир Владимирович, как уже упоминалось выше, никогда не являлся подданным их страны!), считая, видимо, что он «слишком часто» посещает Россию, отказались в будущем давать разрешения на такие поездки. Мешало и ухудшающееся здоровье: «Месяцами влачу ряд заболеваний», — упоминал Владимир Владимирович, завершая это письмо: «Вот и все на нашем фронте, включая мои раны и контузии»... «Очень жалею, что мы не смогли лично познакомиться», — писал он 15 августа прошлого года, и в этих словах, тогда еще неосознанно, вместо «не смогли» звучало, должно быть, — «уже не сможем»...

30 января 1996 года Владимир Владимирович Звегинцов скончался после долгой и изнурительной болезни, окруженный семьей и друзьями. В историю перешло имя еще одного великого Русского подвижника, — перешло в ту самую Военную Историю России, над которой он так самоотверженно трудился всю жизнь...

Его похоронили на Православном Русском кладбище под Парижем, на знаменитом эмигрантском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Гроб был покрыт Русским флагом, а у изголовья, на аналое, был положен штандарт Кавалергардского Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полка, — тоже уходящего в Историю, вместе с членами своей Кавалергардской Семьи, полка нашей последней Вдовствующей Императрицы. Хоронили одного из последних Кавалергардов, так никогда и не надевшего погон родного полка, но всю жизнь прожившего под сенью его славного штандарта.

Русского, Императорского, Белого штандарта.

ЭСКАДРОННЫЕ И БАТАРЕЙНЫЕ ЗНАЧКИ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ И КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ

Сочувствие В.В.Звегинцова идее возрождения в России «Военной Были» и его доброе отношение к выходящим в свет новым номерам журнала позволили редакции надеяться, что Владимир Владимирович согласится на публикацию на наших страницах какой-либо из своих работ или их фрагментов. На нашу просьбу об этом он откликнулся, прислав в письме от 20 июня 1995 года помещаемый ниже материал, по словам Владимира Владимировича — «из моей серии “Всего понемножку”». «Все эти эскадронные флюгера служили только для учения и маневров, — пояснял он. — Уставные были только простые прямоугольники по цвету эскадрона. А все изображения были свободным измышлением (в другом письме Владимир Владимирович характеризовал их как «вольность дворянскую». — *Ред.*). Попались мне только несколько полков и не всегда полностью». Несмотря на эту — вполне понятную в такой совершенно неизученной области — неполноту, публикуемый материал представляет большой интерес уже в силу самой этой неизученности.

Обсуждение оформления этой публикации и работа по подготовке к печати текста и иллюстраций затянулись, и, хотя через два месяца Владимир Владимирович подчеркивал (в письме от 15 августа): «С Вашими предложениями я полностью согласен», — окончательному согласованию этого вопроса помешала его кончина.

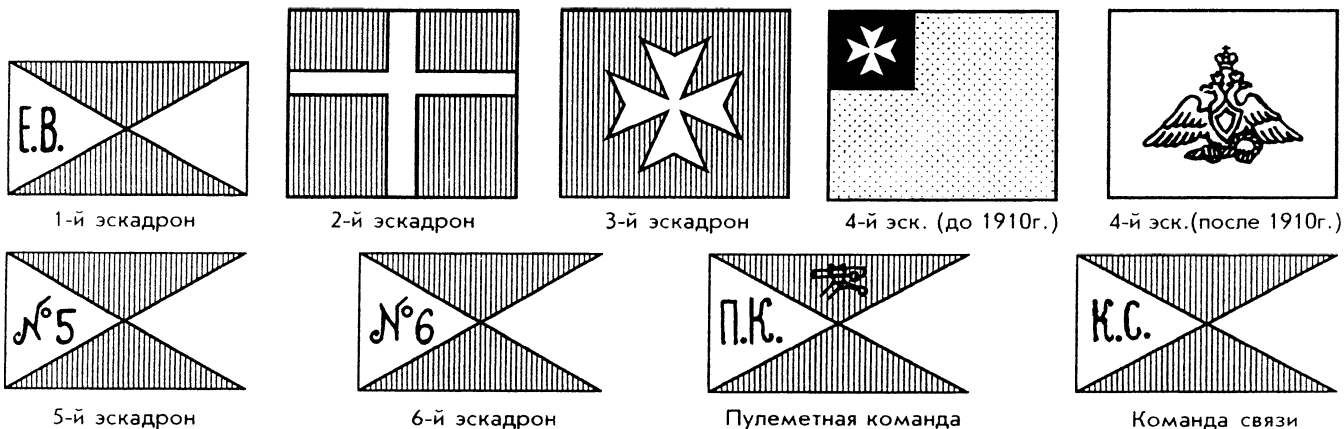
С горечью сознавая, что Владимир Владимирович Звегинцов *больше ничего уже для «Военной Были» не напишет*, — мы обратились за помощью и советом к близкому другу покойного и сотруднику старого парижского журнала А.Д.Шеману (председателю Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов во Франции), от которого и получили разрешение на настоящую публикацию. Рисунки выполнены А.А.Петровым по эскизам В.В.Звегинцова.

«Надеюсь, что где-нибудь найдутся подробности о других эскадронных значках», — писал В.В.Звегинцов. Редакция «Военной Были» присоединяется к этим словам и, в память выдающегося русского историка, охотно предоставит место для возможных дополнений.

Условное обозначение цветов на рисунках значков.

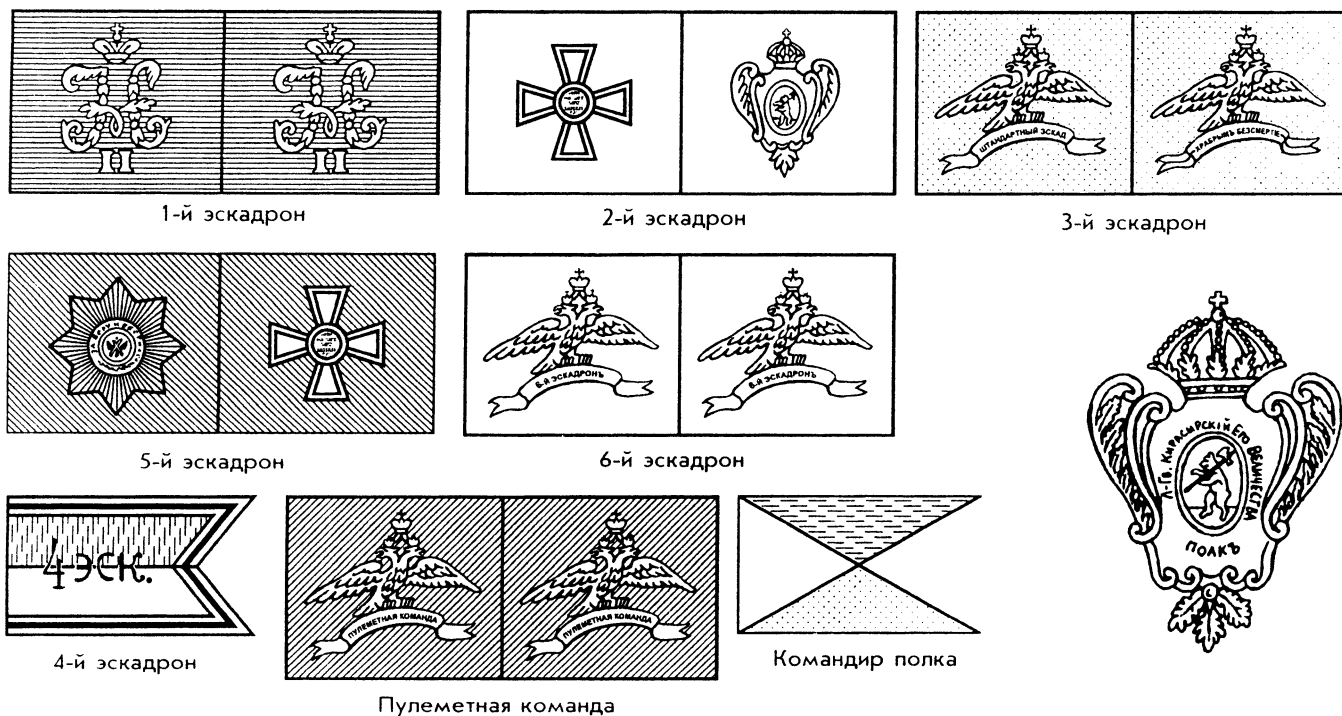

КАВАЛЕРГАРДСКИЙ ПОЛК

Всюду комбинация красного и белого цветов, кроме **4-го эскадрона**, где до 1910 г. значок был желтый, с белым Мальтийским крестом на черном поле. Бывали случаи, где его принимали за значок командира — не то Корпуса, не то Армии. Он заменен был белым, с красным орлом, который шуточно называли «вареный рак».

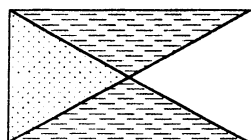
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КИРАСИРСКИЙ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК

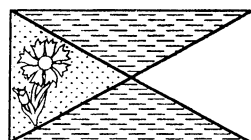
1-й эскадрон: значок темно-синий, вензель белый. **2-й эскадрон:** значок белый; Преишиш-Эйлаусский крест весь желтый (золотой); герб города Ярославля (показан отдельно): щит с короной желтый, на желтом небе и зеленой траве черный медведь с алебардой. **3-й эскадрон:** значок желтый, орел черный; на голубой ленте «Штандартный эскадронъ», а на Георгиевской «Храбрымъ безсмертiе». **4-й эскадрон:** значок пополам оранжевый и белый, рамка Георгиевской ленты. **5-й эскадрон:** значок зеленый; Андреевская звезда светло-серая, круг голубой, середина оранжевая с черным орлом. **6-й эскадрон:** значок белый, орел черный; обе ленты голубые, с надписями «6-й эскадронъ». **Пулеметная команда:** значок малиновый, орел черный; обе ленты голубые, с надписями «Пулеметная команда». **Командир полка:** значок, как флюгер; треугольники голубой, белый, желтый.

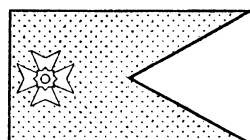
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КИРАСИРСКИЙ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛК

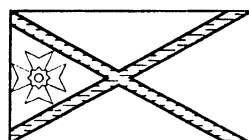
Командир полка

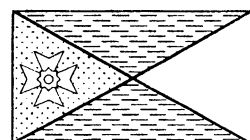
1-й эскадрон

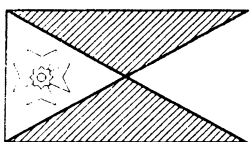
2-й эскадрон

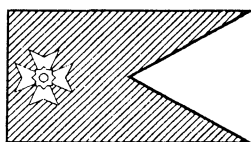
3-й эскадрон

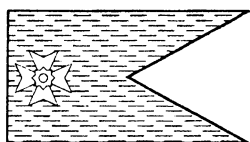
4-й эскадрон

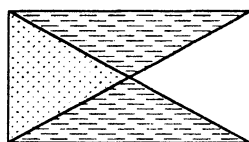
5-й эскадрон

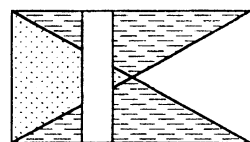
6-й эскадрон

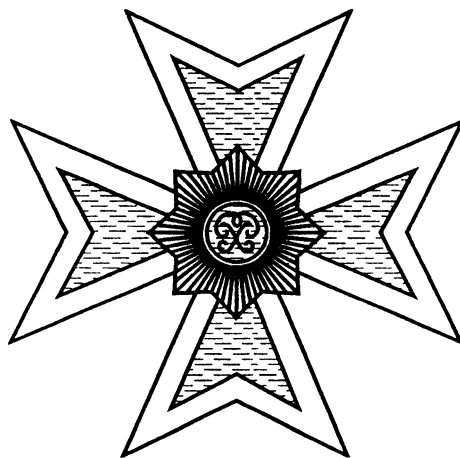
Пулеметная команда

1-й стрелк. эскадрон

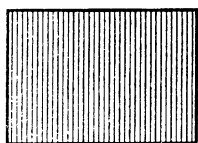

2-й стрелк. эскадрон

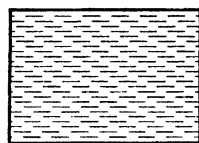

1-й эскадрон, 1-й и 2-й стрелковые эскадроны: два голубых и один желтый треугольники; в 1-м эскадроне василек показан отдельно; во 2-м стрелковом эскадроне — полоса белая. *2-й эскадрон:* значок желтый. *3-й эскадрон:* значок белый с голубыми полосами. *4-й эскадрон, Командир полка:* два голубых и один желтый треугольники. *5-й эскадрон:* два малиновых и один белый треугольники. *6-й эскадрон:* значок малиновый. *Пулеметная команда:* значок голубой. Светло-синий крест с белой каймой (на значках 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го эскадронов и Пулеметной команды) показан отдельно.

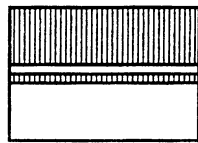
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННО-ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК

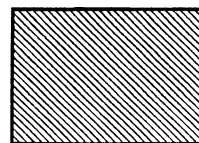
1-й эскадрон

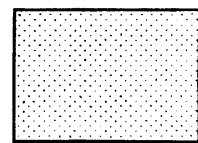
2-й эскадрон

3-й эскадрон

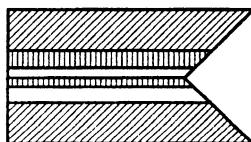
4-й эскадрон

5-й эскадрон

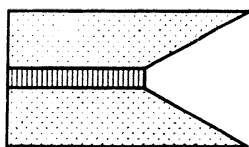
6-й эскадрон

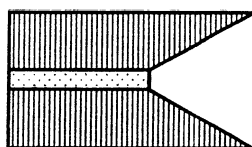
Стрелковый эскадрон

По обычному порядку эскадронных цветов: *1-й эскадрон* — значок красный, *2-й* — светло-синий, *4-й* — зеленый, *5-й* — желтый, *6-й* — черный. *3-й эскадрон:* две красные и две белые полосы. *Стрелковый эскадрон:* значок малиновый, а посередине полосы, как в 3-м эскадроне.

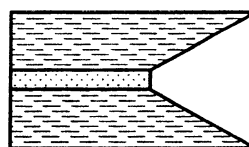
1-й ГУСАРСКИЙ СУМСКИЙ ПОЛК

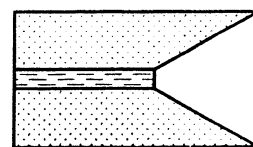
1-й эскадрон

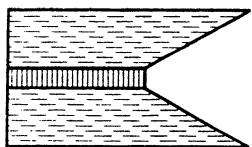
2-й эскадрон

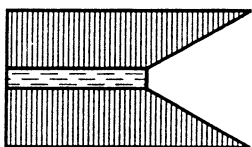
3-й эскадрон

4-й эскадрон

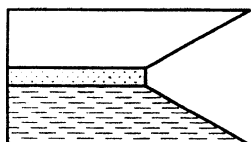
5-й эскадрон

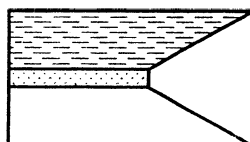
6-й эскадрон

1-й эскадрон: 2 широкие полосы — желтые, 1 узкая полоса — красная. **2-й эскадрон:** 2 красные, 1 желтая. **3-й эскадрон:** 2 голубые, 1 желтая. **4-й эскадрон:** 2 желтые, 1 голубая. **5-й эскадрон:** 2 голубые, 1 красная. **6-й эскадрон:** 2 красные, 1 голубая.

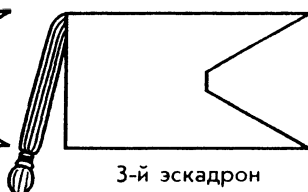
3-й ГУСАРСКИЙ ЕЛИСАВЕТГРАДСКИЙ ПОЛК

1-й эскадрон

2-й эскадрон

3-й эскадрон

Известны только 1-й, 2-й и 3-й эскадроны. **1-й эскадрон:** значок, как полковой флюгер — белый, желтый, голубой. **2-й эскадрон:** те же цвета в обратном порядке. **3-й эскадрон:** белый значок с привязанным темляком Георгиевской ленты.

5-й ГУСАРСКИЙ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ПОЛК

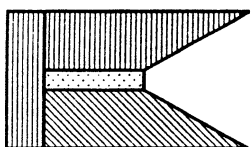
1-й эскадрон

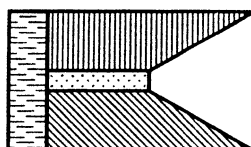
2-й эскадрон

Известны только 1-й и 2-й эскадроны, оба значка черные с белым черепом и костями, а в 1-м — рамка серебряного гусарского галуна.

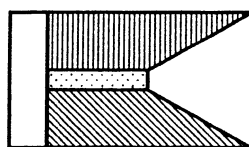
9-й ГУСАРСКИЙ КИЕВСКИЙ ПОЛК

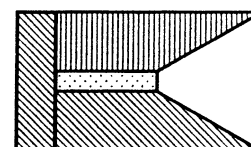
1-й эскадрон

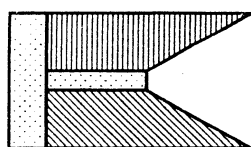
2-й эскадрон

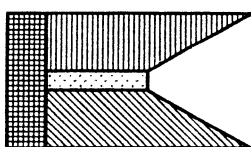
3-й эскадрон

4-й эскадрон

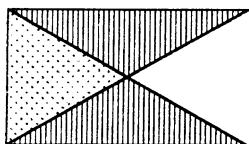
5-й эскадрон

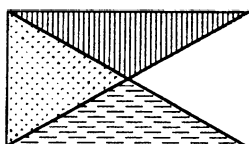
6-й эскадрон

Всюду цвета полкового флюгера: красный, желтый, темно-зеленый. Вертикальная полоска по цвету эскадрона: красный, светло-синий, белый, зеленый, желтый, коричневый.

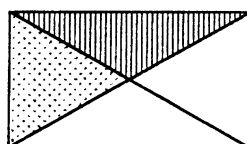
9-й ДРАГУНСКИЙ КАЗАНСКИЙ ПОЛК

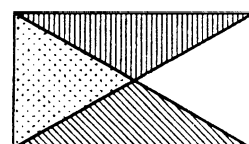
1-й эскадрон

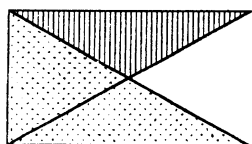
2-й эскадрон

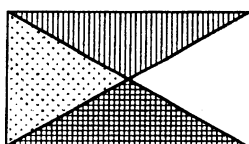
3-й эскадрон

4-й эскадрон

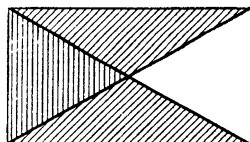
5-й эскадрон

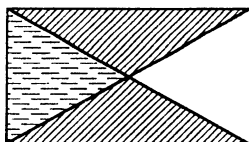
6-й эскадрон

Всюду верхний треугольник красный, средний — желтый, а нижний — по цвету эскадрона.

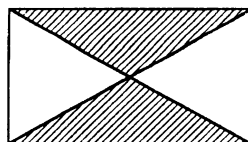
10-й ДРАГУНСКИЙ НОВГОРОДСКИЙ ПОЛК

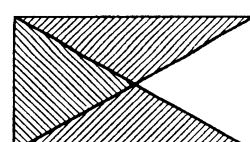
1-й эскадрон

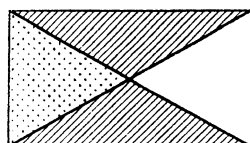
2-й эскадрон

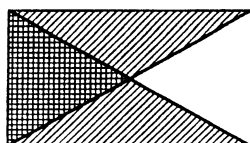
3-й эскадрон

4-й эскадрон

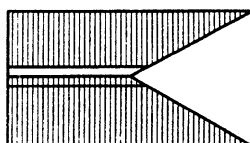
5-й эскадрон

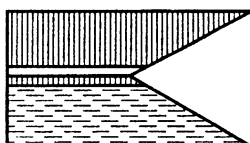
6-й эскадрон

Два треугольника малиновые, а средний — по цвету эскадрона.

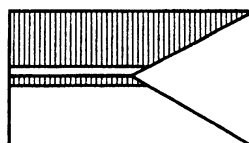
9-й УЛАНСКИЙ БУТСКИЙ ПОЛК

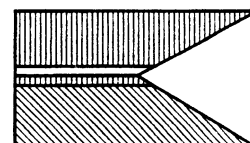
1-й эскадрон

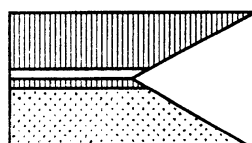
2-й эскадрон

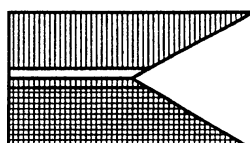
3-й эскадрон

4-й эскадрон

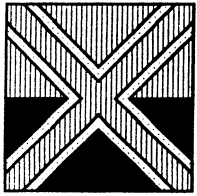
5-й эскадрон

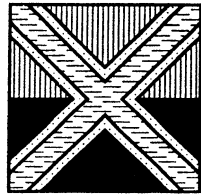
6-й эскадрон

От верха: полосы красная, белая, красная, а широкая нижняя — по цвету эскадрона.

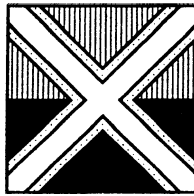
ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

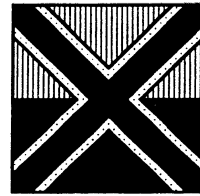
1-я батарея

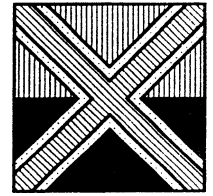
2-я батарея

3-я батарея

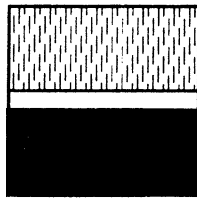
4-я батарея

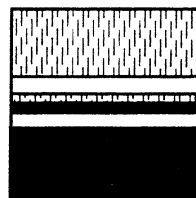
5-я батарея

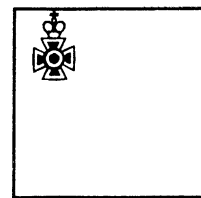
6-я Донская
батарея

1919 год:
1-я батарея

1919 год:
2-я батарея

1920 год

Во всех батареях значок разделен пополам — верхняя красная, нижняя черная, а Андреевский крест (с желтыми каемками): *1-я батарея*: красный. *2-я батарея*: светло-синий. *3-я батарея*: белый. *4-я батарея*: черный. *5-я батарея*: зеленый. *6-я Донская батарея*: зеленый, вензель и корона желтые. В 1919 году: *1-я и 2-я батареи*: значок разделен пополам (оранжевый и черный), соответственно одна и две полосы белые. В 1920 году значок белый, крестик черный с желтой короной.

А.ВАСИЛЬЕВ

ЧЕРНИГОВСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК В КАВАЛЕРИЙСКОЙ АТАКЕ ПРИ ОЛЕШИЦЕ 2 ИЮНЯ 1915 ГОДА

Окончание. Начало в № 7 (136)

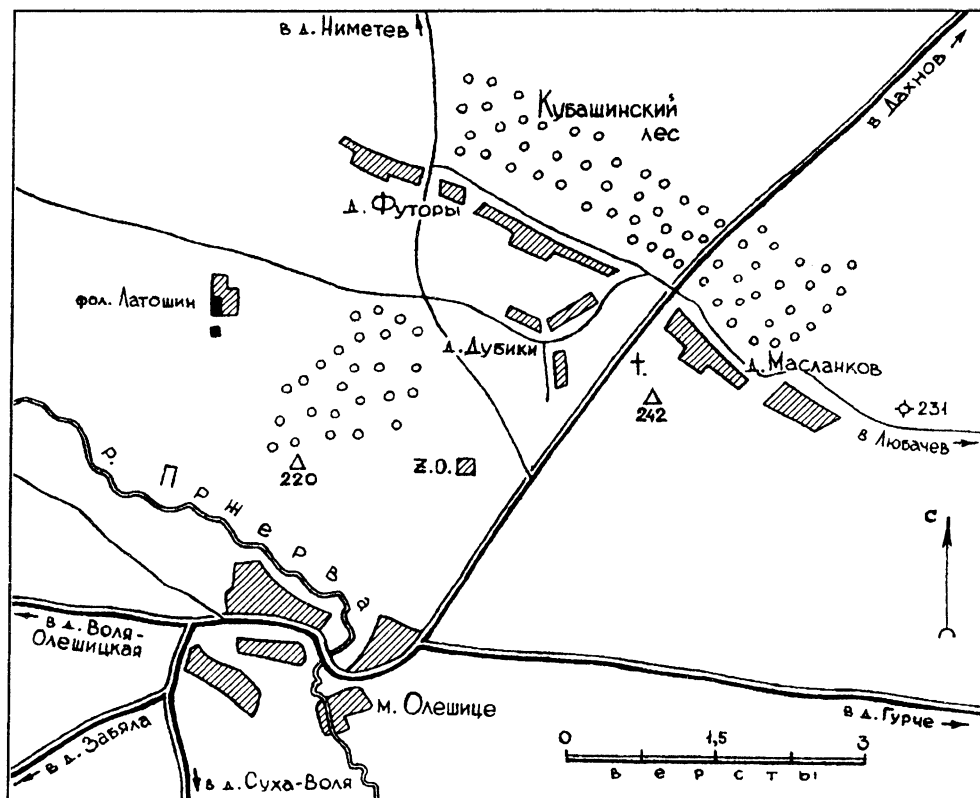
Описание действий 17[-го] гусарского Черниговского полка с 31 мая по 3 июня 1915 года¹

31 мая в 1 ч[ас] дня полк, стоявший в д[еревне] Масланков, получил приказание выступить, в составе 16[-й] кав[алерийской] дивизии, на поддержку 2-го Кавказского [армейского] корпуса, отступившего под натиском превосходных сил германцев. В 11 ч[асов] утра того же дня были посланы два разведывательных эскадрона (4[-й] и 5[-й]); первый в направлении на д[еревню] Мельники и второй в д[еревню] Луковец, где находился

штаб 2[-го] Кавк[азского] кор[пуса], и от него он должен был получить инструкции для разведки. Полк шел в авангарде дивизии, по дороге: Олешница — Борхов — Руда Шутковска — Луковец и далее на Вельки Очи. Подойдя к д[еревне] Луковец, полку было приказано идти в д[еревню] Сопле, где занять позицию в образовавшемся прорыве, между полками 2-го Кавк[азского] корпуса. В восьмом часу вечера полк прибыл в Сопле и занял позицию фронтом на запад четырьмя спешенными эскадронами, с 4[-мя] пулеметами. С 8 час[ов] веч[ера] германцы стали обстреливать тяжелой и легкой артиллерией д[еревню] Бихале.

лежащую впереди позиции в 1 версте, где были наши разъезды. В 10-м часу вечера к полку подошли три эскадрона 17[-го] уд[анского] Новомиргородского полка, которые стали в резерве, а в 11-м часу пришел 18[-й] гус[арский] Нежинский полк и прибыл командир 1[-й] бригады ген[ерал]-майор Суковкин², приняв командование над боевым участком. С 5[-ти] ч[асов] утра 1 июня германцы открыли артиллерийский огонь по нашей позиции. Разъезды донесли о движении противника большими колоннами в направлении на Нов[ая] Гробля — Руда, на позицию 3-й [Кавказской] стрелковой дивизии³; затем было обнаружено движение густыми цепями германцев к позициям полка, по которым (германцам. — А.В.) полком был открыт пулеметный и ружейный огонь. Огонь был настолько действителен, что цепи не могли продвинуться вперед и залегли во ржи, после чего колонна стала обходить позицию по спущке д[еревни] Бихале, с правого фланга. Ввиду отхода пехоты справа от полка, полку было приказано сняться с позиции и, отойдя назад, занять новую позицию, двумя эскадронами с 2[-мя] пулеметами, за р[екой] Любачевкой, на южной спущке леса Рудне, что севернее фольв[арка] Бржос. Впереди позиции полка, по самой реке затем занял позицию 11[-й] [Кавказский] стрелковый полк. В 9 ч[асов] вечера было приказано гусарской бригаде отойти к д[еревне] Фельзендорф. Придя туда в 11[-м] часу вечера, была получена новая задача: [4-му] конному корпусу оборонять позицию впереди г[орода] Любачева. Вечером к полку присоединился 4[-й] эскадрон.

Во исполнение этой задачи полк в 7 ч[асов] утра 2 июня перешел в д[еревню] Борхов, где с 18[-м] гус[арским] Нежинским полком занял позицию по р[учью] Пржжерве⁴. 2[-й] эскадр[он] был назначен для обеспечения правого фланга позиции 11[-го] и 12[-го] [Кавказских] стрелк[овых] полков. Позицию впереди Борхова заняли 1[-й],

Район кавалерийской атаки 2 (15) июня 1915 г.

3[-й] и 6[-й] эск[адро]ны с 2[-мя] пулеметами, 4[-й] эск[адрон] был в резерве⁵.

В 3-м часу дня полк был отозван в д[еревню] Масланков, где спешил в резервной колонне. В 7 час[ов] вечера со стороны позиции слышались непрерывные крики: «Кавалерия, неприятельская кавалерия». Стоявшие в д[еревне] Масланков обозы, зарядные ящики, патронные и лазаретные линейки⁶ и пр., в панике бросились назад. Черниговский полк в составе 1[-го], 3[-го] и 4[-го] эск[адро]нов со штандартом, немедленно был посажен вр[еменно] командующим полком полковником Калининым⁷ на коней и в резервной колонне выдвинулся вперед за деревню; отсюда были посланы полковником Калининым боевые разъезды, которые быстро донесли, что впереди никакой неприятельской кавалерии нет, а крики «кавалерия, кавалерия» все продолжались, почему полк[овник] Калинин предположил, что неприятельская кавалерия выходит справа из леса⁸. Зайдя левым плечом в линии взводных колонн, на полных интервалах, полк взял направление на лес, что у д[еревни] Дубики. Выйдя на гребень, вр[еменно] командующий полком увидел, что в направлении от Олешиче поспешно отступает наша пехота⁹, энергично преследуемая герман-

ской пехотой. Для поддержания духа пехоты и с целью вернуть ее обратно, им было приказано 4[-му] эскадрону (ш[табс]-р[отмистр] Калинин¹⁰) рассыпаться в лаву и идти в направлении на отступающую пехоту¹¹. Эскадрон на полевом галопе рассыпался в лаву и, предводимый своим командиром, дошел до нашей пехоты, повернул ее обратно и пошел дальше в атаку на германцев, взяв направление на м[естечко] Олешнице, по правой стороне шоссе. С 4[-м] эскадрона одновременно пошел правее в атаку и эскадрон Кинбурнских драгун. 4-м эскадрона были пройдены и изрублены передовые цепи у пометок 220 и Z.O., поддержки и резервы у р[учья] Przerwa [Пжерва]; эскадрон прошел названный ручей, влетел в м[естечко] Олешнице и фольварк, врубился в прусскую пехоту, большая часть которой, бросив оружие, стояла на коленях с поднятыми руками; у фольварка же в упор германским офицером была убита лошадь под вр[еменно] к[омандую]щим эс[кадро]ном ш[табс]-р[отмистром] Калининным, и он среди германцев пересел на лошадь, уступленную ему рядовым Кинбурнского др[агунского] полка Новиковым. Прислуга у пулеметов была изрублена, пленные все были также изрублены и исколоты. Под влиянием лихого порыва гусар дух пехоты сразу поднялся, она побежала вперед, почти не отставая от скачущих гусар, но по дороге залегла и стала окапываться. Пронесшись далеко вперед и уничтожив все на своем пути, эскадрон принужден был скакать обратно, ибо германцы, ошеломленные вначале, быстро стали приходить в порядок и обстреливать с близкого расстояния гусар. Пулеметы и другие трофеи не могли быть взяты, ибо большая часть эскадрона была выведена противником из строя, а поддержка (1-й эскадрон) не поспела за 4-м, т.к. он сразу взял крупный аллюр. 1-й эскадрон (ротм[истр] Субботин¹²) шел во второй линии, также уничтожая пехоту противника. 3-й эскадрон (ротм[истр] Гуров¹³) был на правом фланге боевого порядка полка, на случай появления справа неприятельской конницы.

6-й эскадрон (пор[учик] Папкевич¹⁴), получивший еще задолго до атаки приказание собрать разбежавшихся с позиции нижних чинов 10[-го] [Кавказского] стрелкового полка из д[еревень] Масланков, Футори¹⁵ и леса за деревней, выполнил это приказание и пошел на присоединение к полку, где он его оставил. По дороге пор[учик] Папкевич узнал, что Черниговский полк пошел в атаку по направлению Олешницы. Эскадрон рысью двинулся в том же направлении, желая тоже принять участие в атаке и поддержать полк. Выйдя из д[еревни] Футори, вр[еменно] к[омандую]щий

эскадронам пор[учик] Папкевич получил приказание явиться начальнику дивизии ген[ерал]-майору Володченко¹⁶, который находился на шоссе Футори—Олешнице у моста, что к юго-вост[ок]у от Дубики. Подведя эскадрон к начальнику дивизии, пор[учик] Папкевич доложил, какую задачу выполнял эскадрон и почему отстал от полка. Начальник дивизии отдал приказание эскадрону рассыпаться в лаву левее шоссе Футори — Олешнице и атаковать восточную опушку м[естечка] Олешнице, занятую германской пехотой с пулеметами¹⁷. В указанном направлении эскадрон пошел в атаку на большак, обсаженный густыми деревьями, что отходит на восток от м[естечка] Олешнице и который занимала рота германской пехоты с 4[-мя] пулеметами, сидевших (так в документе. — А.В.) в окопах в придорожных канавах. С дистанции 2-х верст до неприятеля, эскадрон, выйдя на горку, пошел полевым галопом и в это же время по эскадрону дан был залп неприятельской батареи, расположенной за восточн[ой] опушкой м[естечка] Олешнице. Шрапнели разорвались над эскадронами, и здесь он понес первые потери и был ранен в руку осколком шрапнели пор[учик] ки[язь] Вачнадзе¹⁸, но остался в строю, продолжая вести в атаку свой полуэскадрон. В этом же месте, по склону горы, были расположены окопы, которые заняла наша пехота. Впереди этих окопов на 200 — 300 шагов стояла наша легкая батарея, которая по причине сильного обстрела противником не могла отойти за свою пехоту. Когда 6[-й] эскадрон с криком «ура» пронесся через окопы, пехота,

Великий Князь Михаил Александрович, шеф Черниговских гусар, в форме полка

эскадрон отдал приказание эскадрону рассыпаться в лаву левее шоссе Футори — Олешнице и атаковать восточную опушку м[естечка] Олешнице, занятую германской пехотой с пулеметами¹⁷. В указанном направлении эскадрон пошел в атаку на большак, обсаженный густыми деревьями, что отходит на восток от м[естечка] Олешнице и который занимала рота германской пехоты с 4[-мя] пулеметами, сидевших (так в документе. — А.В.) в окопах в придорожных канавах. С дистанции 2-х верст до неприятеля, эскадрон, выйдя на горку, пошел полевым галопом и в это же время по эскадрону дан был залп неприятельской батареи, расположенной за восточн[ой] опушкой м[естечка] Олешнице. Шрапнели разорвались над эскадронами, и здесь он понес первые потери и был ранен в руку осколком шрапнели пор[учик] ки[язь] Вачнадзе¹⁸, но остался в строю, продолжая вести в атаку свой полуэскадрон. В этом же месте, по склону горы, были расположены окопы, которые заняла наша пехота. Впереди этих окопов на 200 — 300 шагов стояла наша легкая батарея, которая по причине сильного обстрела противником не могла отойти за свою пехоту. Когда 6[-й] эскадрон с криком «ура» пронесся через окопы, пехота,

17-й гусарский Черниговский Великого Князя Михаила Александровича полк. Генерал. Рис. С.В.Вакара

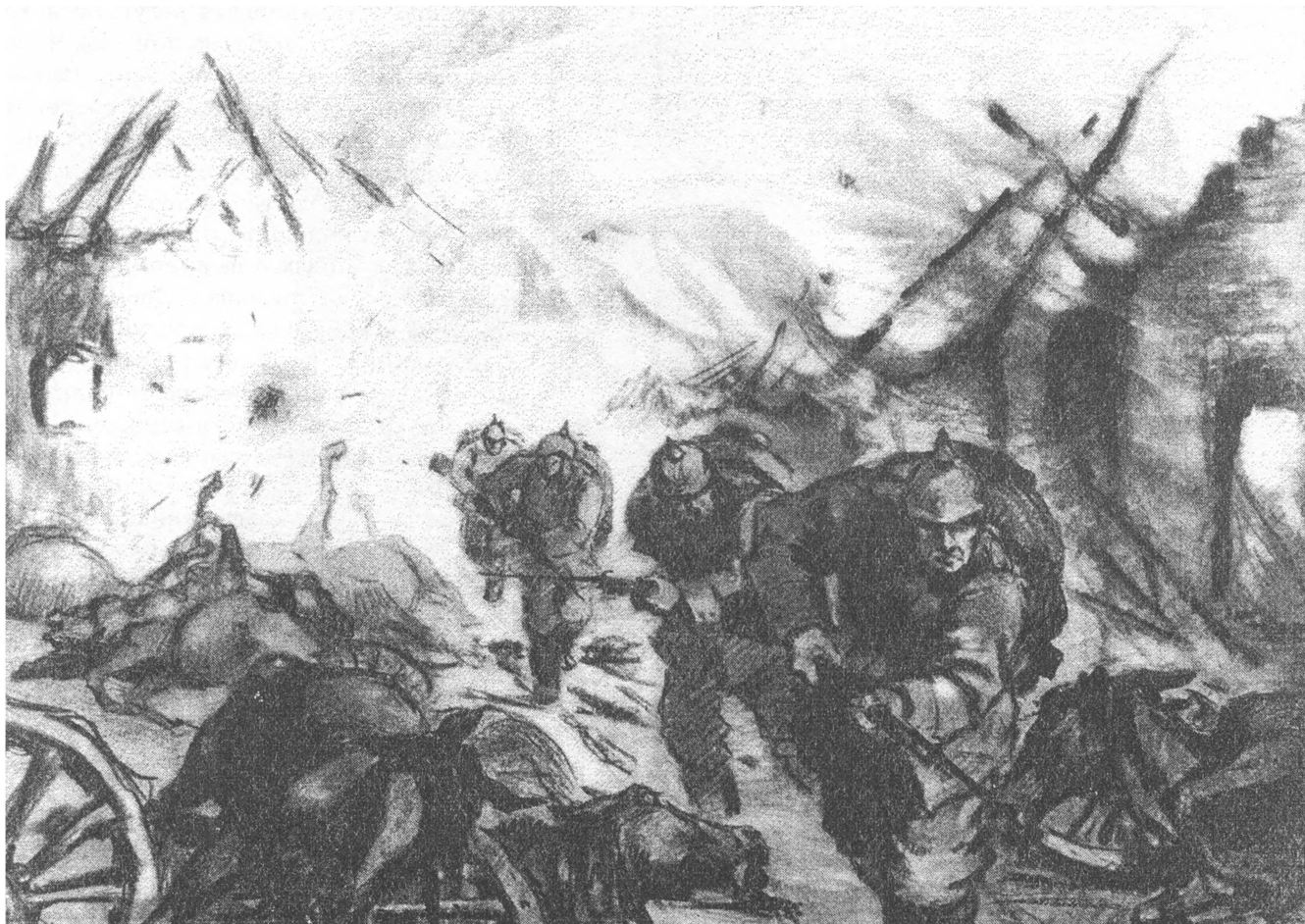
увлеченная примером гусар, с криком «ура» тоже бросилась за ними. Этим моментом воспользовалась батарея, снялась с позиции и была увезена назад прикомандированным к штабу 16[-й] кавалерийской дивизии ротмистром Люцкановым-Панковым²⁰, следовавшим в атаку с эскадронам. С дистанции около 1,5 верст по эскадрону, несущемуся полевым галопом, был открыт ружейный и пулеметный огонь, с верстовой же дистанции перешедший в ураганный. Неся значительные потери, эскадрон, постепенно увеличивая аллюр, продолжал неудержимой лавиной нестись на неприятеля. Неприятельская батарея, стоявшая за восточной опушкой м[естечка] Олешнице, взялась в передки и карьером ушла назад, не произведя больше ни одного выстрела. На дистанции 1000 шагов до неприятеля была убита лошадь под командующим эск[адроном] поручиком Папкевичем и сам он был ранен. Далее эскадрон повел в атаку пор[учик] князь Вачнадзе. Под сильным ружей-

ным и пулеметным огнем, эскадрон дорвался до неприятельских окопов и врубился в пехоту. За 20 шагов до германских окопов была убита лошадь под пор[учиком] кн[язем] Вачнадзе, и он свалился в канаву, где пролежал до ночи, после чего тихо вылез оттуда, не замеченный противником, и пришел на перевязочный пункт, вынеся на плечах раненого гусара Канзибаева²¹.

Как только наша конница пошла в атаку, артиллерия противника совершенно прекратила огонь; по-видимому, неприятель, боясь потерять ее, отвел в тыл. Ко времени окончания атаки стемнело; пехота, ободренная кавалерией, заняла все прежние окопы, а полк, подобрав раненых и убитых, собрался у леса в д[еревне] Футори и был отведен на ночлег в район Дахнова²¹.

Своей атакой полк произвел: 1) ошеломляющую панику среди германского пехотного полка²², который был почти весь уничтожен; 2) резервы и артиллерия противника бежали за м[естечко] Олешнице в большом беспорядке и совершенно был прекращен ураганный, до атаки, огонь²³ противника; 3) остановил наступление германцев, грозившее прорвать нашу позицию; 4) воодушевил свою пехоту, которая с криком «ура» бросилась вслед за полком и колола случайно пропущенного гусарами противника; 5) настолько расстроил весьма энергично наступавших германцев, что до следующего утра 3 июня они не проявили никаких активных действий и даже совершенно прекратили огонь; 6) 6-й эскадрон, приняв на себя весь огонь противника, дал возможность увезти нашу батарею, стоявшую впереди пехотных окопов, и тем спас ее от захвата неприятелем и прикрыл от флангового ружейного и пулеметного огня свой полк, отходивший после атаки на д[еревню] Футори, правее шоссе Футори—Олешнице.

Считаю долгом засвидетельствовать доблестное поведение г.г. офицеров и всех гусар полка, которые, несмотря на ураганный огонь противника, смело и неудержимо рвались вперед. Особенно отмечаю геройские подвиги: штабс-ротмистра Калинина, первым бросившегося вперед и все время ведшего свой эскадрон в атаку, невзирая на явную опасность; корнета Ярошева 2-го²⁴, младшего офицера 4-го эскадрона, который также находился все время впереди; поручика Папкевича, по собственной инициативе подошедшего с эскадронам к полку для участия в атаке и поведшего в атаку свой эскадрон; поручика кн[язя] Вачнадзе, принявшего 6[-й] эскадрон после ранения пор[учика] Папкевича и доведшего его до удара холодным оружием.

Атака германской пехоты. Рис. В. фон-Бартельс. 1915

Потери полка: ранены — поручики Папкевич и кн[язь] Вачнадзе (остался в строю), 37 гусар и 22 лошади; убиты и остались на поле сражения — 38 гусар и 93 лошади²⁵.

Вр[еменно] командующий

17[-м] гусарским Черниговским полком

Полковник *Калинин*

11 июня 1915 года, д[еревня] Затыле.

РГВИА. ф. 3526. оп. 2. д. 8. лл. 138 — 141 об.)

В публикуемом тексте не упомянуто об участии в конной атаке при Олещице 11-го Донского казачьего Генерала-от-кавалерии Графа Денисова полка, входившего, как и 7-й драгунский Кинбурнский полк, в состав 7-й кавалерийской дивизии. Подробности о боевых действиях этих частей 2 июня 1915 г. содержатся в следующих документах РГВИА: «Описание конной атаки 11-го Донского казачьего полка, бывшей 2-го июня 1915 года между дер[евней] Футоры и м[естечком] Олещице», составленное временно командующим полком полковником П.П.Артинским (под-

линник — ф. 3517, оп. 1. д. 7, лл. 273 — 274; черновик — ф. 5065, оп. 1. д. 3, лл. 55 — 56 об.); «Журнал военных действий 7-й кавалерийской дивизии с 2 мая по 30 июля 1915 г.» (ф. 3517, оп. 1. д. 54, лл. 25 — 30) и «Журнал военных действий 7-го драгунского Кинбурнского полка с 18 июля 1914 года по 2-е июня 1915 года» (ф. 3559, оп. 1. д. 9, лл. 55 об. — 56).

В 17.00 2-го июня 1915 г. четыре сотни 11-го Донского казачьего полка, возглавляемые полковником П.П.Артинским, стояли в резервной колонне в лесу у северо-восточной окраины деревни Футоры, примыкая левым флангом к шоссе Дахнов — Олещице. Позже туда же был подтянут 7-й уланский Ольвиопольский Его Величества Короля Испанского Альфонса XIII полк с 4-мя пулеметами, а затем, около 19-ти часов, подошли 1-я и 6-я сотни Донцов, возвратившиеся с разведки. 7-й драгунский Кинбурнский полк, составивший вместе с Ольвиопольцами 1-ю бригаду 7-й кавалерийской дивизии, в это время занимал четыремя спешенными эскадронами (1-м,

Наскок кавалерии. *Набросок с натуры П.Лаленкова. 1914*

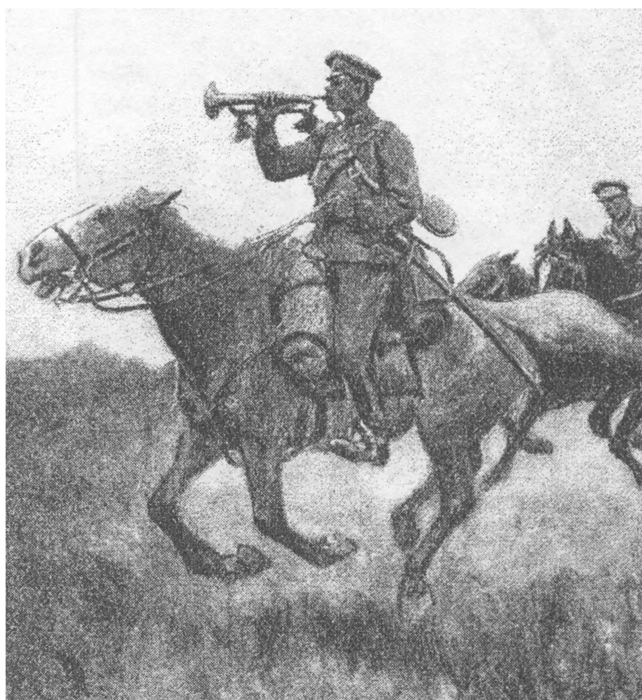
2-м, 4-м и 5-м) оборонительную позицию у деревни Борхов, поддерживая тесную связь влево с 1-й бригадой 16-й кавалерийской дивизии, а вправо к Олешнице. — с 10-м Кавказским стрелковым полком. 3-й и 5-й эскадроны Кинбурнцев, оставаясь в конном строю, находились вместе с коноводами в деревне Футоры. Примерно с 18.30 от Олешнице на Футоры начали мелкими партиями перебегать русские пехотинцы, часто без оружия. Скоро эти перебежки приняли характер общего бегства, поэтому в 19.45 от 11-го Донского казачьего полка по приказанию начальника 7-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Ф.С.Рерберга, размещавшегося со своим штабом в Футорах, был выслан офицерский разъезд (под командой прапорщика Якушева), которому было

поручено останавливать бегущую пехоту и возвращать ее обратно в окопы. В 19.55 генерал Рерберг приказал 7-му уланскому Ольвиопольскому полку, сосредоточенному в деревне Дубики, занять высоты к югу от Футоры для обеспечения отхода пехотных частей. В это время к русской пехоте подошли резервы, но, встреченные ураганным огнем германцев, дрогнули и отхлынули назад. Спешенные эскадроны Кинбурнских драгун, чей правый фланг в результате отступления 10-го Кавказского стрелкового полка оказался открытым, были вынуждены отойти из Борхова к Масланкову и Дубикам. Положение стало критическим, и среди русских войск началась паника. Послышались крики «кавалерия, кавалерия», которые, согласно «Журналу военных действий 7-го драгунского Кинбурнского полка», первыми прозвучали в окопах на западной окраине деревни Футоры, где наши пехотинцы якобы увидели германский кавалерийский разъезд (РГВИА, ф. 3559, оп.1, д. 9, л. 55 об.). Начальник 7-й кавалерийской дивизии подскочил к 11-му Донскому казачьему полку и приказал ему быть готовым в конном строю встретить кавалерию противника. Полковник Артинский тотчас вывел из леса и построил в резервную колонну пять сотен своего полка (без 3-й сотни, которая с 18.40 прикрывала 13-ю конную батарею 7-го конно-артиллерийского дивизиона, занимавшую огневую позицию у деревни Футоры). Этими сотнями (1-й, 2-й, 4-й, 5-й и 6-й) соответственно командовали: подъесаул А.И.Павлов, хорунжий В.В.Суховев, хорунжий Д.В.Клещев, есаул В.И.Дударев и сотник С.И.Растряев. Поскольку крики и шум усиливались, генерал Рерберг в 8-м часу вечера послал казаков вперед, лично указав им направление атаки.

«Выделив для обеспечения своего левого фланга полусотню 5-й сотни, — отмечал полковник Артинский, — полк по моей команде, развернувши линию колонн и пройдя дер[евню] Футоры, быстро развернул фронт и с гиком и криком понесся в атаку, но перед полком вместо кавалерии противника оказались цепи германской пехоты, осыпавшей полк сильным ружейным и пулеметным огнем. Это не смутило Донцов, и полк лихо врехался в неприятельскую цепь, опрокинул ее, обратив в бегство, прошел затем вторую

Настигли. Рис. Н.С.Самокиша. 1916

К атаке. Рис. И.А.Владимирова. 1915

и третью линию цепей германцев, которые в паническом страхе под ударами пик и шашек бежали к Олешнице. Бросаемые ими пулеметы и прочее оружие я не приказал собирать, дабы остановкой не ослаблять силы удара, а предоставил его следовавшей далеко сзади за моим полком ободрившейся и даже перешедшей в наступление нашей пехоте. Ввиду болотистой местности с правого фланга и вообще пересеченной местности, а в особенности с левого фланга (кирпичный завод, ямы, каменоломни, отдельные домики и прочее). — полк, дойдя левым флангом до м[естечка] Олешнице, а правым проскочив через р[учей] Прерва к шоссе Олешнице — Забияла, пройдя наметом и карьером более 4-х верст, за изнурением конского состава перешел на шаг и, ввиду сильного ружейного огня противника из м[естечка] Олешнице и флангового из Воли Олешницкой, по моему приказанию стал отходить назад» (РГВИА, ф. 3517, оп. 1, д. 7, лл. 273 и об.). Изрубив около двух рот 91-го германского пехотного полка, Донцы в 20.30 возвратились на исходную позицию в лесу у деревни Футоры. В конной атаке 11-й Донской казачий полк потерял одного офицера (хорунжего А.В.Чиркова из 6-й сотни, оставшегося на поле боя) и 29 нижних чинов (из них 1 убит, 6 пропало без вести, 15 ранено и 7 полу-

чили ушибы и травмы при падении с лошадей). За свои отличия в бою при Олешнице командующий полком полковник Петр Петрович Артинский был впоследствии награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ от 13 октября 1916 г.), так же, как и командующий 6-й сотней сотник Спиридон Иванович Растеряев (Приказ войскам 3-й армии № 546 от 15 октября 1915 г.).

Полковник Артинский в своем описании конной атаки 2 июня 1915 г. нигде не упомянул о действиях Черниговских гусар. «При производстве атаки, — писал он, — я не видел, чтобы с левой стороны шоссе Дахнов — Олешнице против правого фланга германских цепей, почему-то также отступавших к Олешнице, шла в атаку какая-либо наша конная часть, хотя в стороне в готовности и стояла таковая» (РГВИА, ф. 5065, оп. 1, д. 3, л. 56). В то же время он указал, что «вместе с полком в атаку шел один из полускадронов 7-го драгунского Кинбурнского полка» (там же, л. 55 об.). 5-й эскадрон Кинбурнских драгун принял участие в конной атаке по инициативе своего командира, ротмистра И.В.Ракшанина. В «Списке о выдающихся подвигах, совершенных гг. офицерами 7-го драгунского Кинбурнского полка, заслуживающих быть отмеченными в истории войны 1914 — 1915 — 1916 гг.», написано, что ротмистр Иосиф Викторович Ракшанин «в бою 2-го июня 1915 г. у м[естечка] Олешнице, находясь в резерве своего полка, занимавшего позицию в пешем строю, и услышав влево от себя крики отходивших под натиском пехотных цепей: "кавалерия, кавалерия", — по личному почину выдвинулся с эскадроном в конном строю и, видя наступающую неприятельскую пехоту, повел стремительную атаку на нее. Неожиданность и стремительность обратили противника в бегство. Эскадрон, преследуя бегущих, изрубил не менее роты пехоты и примером своим положил начало атаки других конных частей и пехоты, перешедшей с криками "ура" в наступление» (РГВИА, ф. 16180, оп. 1, д. 77, л. 111 об.). За это отличие ротмистр Ракшанин получил орден Св. Георгия 4-й степени (Приказ войскам 3-й армии № 517 от 24 сентября 1915 г.). После конной атаки, в которой он потерял всего трех драгун (одного пропавшего без вести и двух легко раненых), 5-й эскадрон Кинбурнцев вернулся в деревню Футоры (вместе с ним туда же возвратился 3-й эскадрон полка, занимавшийся водворением бегущих пехотинцев обратно на позиции).

КОММЕНТАРИИ

Кроме этого описания, составленного 11 июня 1915 г. временно командующим Черниговскими гусарами полковником Д.И.Калининым, в РГВИА имеется документ под заглавием «Атака 17-го гусарского Черниговского полка под м[е]стечком Олешнице 2-го июня 1915 года», который 6 мая 1916 г. за подписью полкового командира полковника В.Н.Дессино был направлен (вместе с другими материалами о боевых действиях вышеуказанного полка в 1914 — 1915 гг.) в «Комиссию по описанию боевых трофеев Русского воинства». Последний документ, хранящийся в фонде упомянутой комиссии (РГВИА, ф. 16180, оп. 1, д. 77, лл. 434 об. — 438), представляет собой несколько сокращенный и отредактированный вариант «Описания» полковника Калинина.

Суковкин Петр Иоасафович (1864 — ?). Происходил из дворян Курской губернии. Окончил Петербургский Императорский Александровский лицей и Николаевское кавалерийское юнкерское училище. В 1885 г. зачислен корнетом в 29-й драгунский Одесский полк. В 1886 — 1903 гг. служил в Лейб-гвардии Гродненском гусарском полку, где получил чин поручика (1889 г.), штабс-ротмистра (1893 г.) и ротмистра (1899 г.). В 1903 — 1904 гг. — адъютант начальника Главного Штаба; в 1904 — 1906 гг. — адъютант Военного министра (произведен в полковники 6 декабря 1905 г.). В 1907 — 1911 гг. был прикомандирован к Лейб-гвардии Конно-Гренадерскому полку, 12 октября 1911 г. назначен командиром 1-й бригадой 16-й кавалерийской дивизии 4 марта — 17 октября 1915 г. затем отчислен по состоянию здоровья в резерв чинов Минского военного округа, где 18 июля 1916 г. назначен главным инспектором лечебных заведений. С 20 августа 1916 г. по 27 мая 1917 г. временно командовал 1-й Туркестанской стрелковой дивизией, после чего вновь переведен в резерв чинов Минского военного округа. С 6 сентября 1917 г. находился в отпуске «впредь до увольнения в отставку». Приказом по Армии и Флоту от 21 сентября 1917 г. был уволен от службы «за болезнь». По выходе в отставку жил в Москве.

Во время сражения под Любачевом 3-я Кавказская стрелковая дивизия (начальник — генерал-лейтенант В.Д.Габаев) состояла из 9-го, 10-го, 11-го и 12-го Кавказских стрелковых полков, 3-й Кавказской стрелковой артиллерийской бригады, 1-й Кавказской отдельной гаубичной батареи и 1-й Кавказской отдельной саперной роты. 1 — 2 июня 1915 г. справа от нее занимала позиции 45-я пехотная дивизия (командующий — генерал-майор Д.Я.Федоров) из состава 29-го армейского корпуса (командир — генерал-от-инфантерии Д.П.Зуев), а слева — 51-я пехотная дивизия (начальник — генерал-лейтенант В.О.Бенескул) 2-го Кавказского армейского корпуса.

Так в тексте. Более точное название этой маленькой речки или ручья — Пжерва (польск. Przerwa).

Эскадроны 17-го гусарского Черниговского полка, участвовавшие в бою 2 июня 1915 г. при Олешнице (без 2-го и 5-го эскадронов ротмистров В.Д.Залесского и М.М.Бузинова), насчитывали более 500 всадников.

В описании боя, составленном полковником Дессино, в этом месте указаны «патронные двуколки и лазеретные линейки» (РГВИА, ф. 16180, оп. 1, д. 77, л. 434 об.).

Калинин Дмитрий Иванович (1873 — ?). Купеческий сын, уроженец Московской губернии. В апреле 1891 г. вступил вольноопределяющимся рядового звания в 3-й драгунский Сумский полк. Учился в Тверском кавалерийском юнкерском училище (август 1891 г. — август 1893 г.), из кото-

рого возвратился в полк эстандарт-юнкером. 9 ноября 1894 г. переведен корнетом в 21-й драгунский Белорусский полк. В октябре 1896 г. выделен с 4-м эскадронам на сформированные 51-го драгунского (впоследствии 17-го гусарского) Черниговского полка и зачислен в списки последнего. Произведен в поручики (15 марта 1898 г.), штабс-ротмистры (15 марта 1899 г.), ротмистры (28 февраля 1905 г.), подполковники (30 июля 1910 г.), полковники (6 мая 1914 г.) и генерал-майоры (30 июля 1917 г.). В Черниговском полку занимал должности: командира 4-го эскадрона (1904 — 1910 гг.), младшего штаб-офицера (1910 — 1914 гг.), помощника командира полка по строевой части (1914 — 1916 гг.) и полкового командира (допущен к командованию 7 апреля 1917 г., утвержден Приказом Временного правительства Армии и Флоту от 16 апреля 1917 г.). С 9 октября 1917 г. находился в отпуске, из которого в полк уже не возвратился. 16 ноября 1917 г. назначен командиром 2-й бригады 16-й кавалерийской дивизии. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, за отличие в бою при Олешнице был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (Приказ войскам 3-й армии № 519 от 29 сентября 1915 г.).

В документе полковника Дессино после слов «впереди никакой кавалерии нет», следует: «а крики “кавалерия, кавалерия” нашей пехоты объяснялись тем, что пехота, сильно пострадавшая от огня противника, была напряжена и просила помощи кавалерии» (РГВИА, ф. 16180, оп. 1, д. 77, л. 435).

Это были части 45-й пехотной и 3-й Кавказской стрелковой дивизий, выбитые противником из Олешницы, а именно: 178-й пехотный Венденский полк (2 батальона под командой полковника П.Г.Вриони), который отошел от местечка на позицию между высотой 220 и отметкой Z.O., и 10-й Кавказский стрелковый полк (фактически один сводный батальон), действовавший левее Венденцев. Под натиском германской пехоты и ураганным огнем артиллерии начали отступать и два резервных полка 45-й пехотной дивизии: 177-й Изборский, окопавшийся правее высоты 220, и 179-й Усть-Двинский, расположенный к югу от деревни Дубики (от отметки Z.O. до высоты 242 включительно). С занятием германцами Олешницы общий отход русских пехотинцев, происходивший уже в сумерках, принял местами характер настоящего бегства.

Калинин Николай Петрович (1884 — 1949). Потомственный дворянин. В 1902 г., окончив Донской Императора Александра III кадетский корпус, поступил в Николаевское кавалерийское юнкерское училище, из которого 9 августа 1904 г. был выпущен корнетом в 51-й драгунский (с 1907 г. — 17-й гусарский) Черниговский полк. В 1904 — 1905 гг. участвовал в Русско-японской войне. По возвращении с полком из Манчжурии произведен в поручики (1 сентября 1907 г.), а затем в штабс-ротмистры (10 сентября 1911 г.). В 1909 — 1912 гг. учился в Императорской Николаевской военной академии, которую окончил по 2-му разряду, 15 марта 1914 г. был по болезни уволен от службы и зачислен в конное ополчение. В начале Великой войны вернулся на военную службу и 13 августа 1914 г. прибыл в Черниговский гусарский полк. Временно командовал 1-м эскадронам (26 ноября 1914 г. — 11 января 1915 г.), а затем 4-м эскадронам полка. С 2 сентября 1915 г. по 5 января 1916 г. — штатный командир 4-го эскадрона. 25 января 1916 г. был командирован в штаб 24-го армейского корпуса для «исправления» должности обер-офицера для поручений. 12 марта 1916 г. причислен к Генеральному Штабу, 20 июня 1916 г. произведен в ротмистры и 17 августа переименован в капитаны Генерального Штаба. С 7 июля 1916 г. — старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии, с 17 августа по 7 ноября 1916 г. — обер-офицер для поручений штаба 24-го армейского корпуса, затем и.д. старшего адъютанта штаба 5-го кавалерийского корпуса (утвержден в этой должности

27 ноября 1916 г.), старший адъютант штаба 40-го армейского корпуса (с 10 января 1917 г.), и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 6-го кавалерийского корпуса (с 17 апреля 1917 г.). 22 июля 1917 г. произведен в подполковники и утвержден в последней должности. 17 октября 1917 г. зачислен в резерв чинов при штабе Одесского военного округа. За отличия в делах против неприятеля получил орден Св. Георгия 4-й степени (Высочайший приказ от 19 мая 1915 г.) и Георгиевское оружие, причем последняя награда была дана ему за бой 2 июня 1915 г. при Олешнице (приказ войскам 3-й армии № 546 от 15 октября 1916 г.). Участвовал в Гражданской войне на юге России. В чине полковника, затем генерал-майора (с апреля 1919 г.) служил в Донской армии, где возглавлял 11-ю конную дивизию (март — май 1919 г.), 11-ю конную бригаду (август — октябрь 1919 г.), 9-ю конную дивизию (май — июль 1919 г., октябрь 1919 г. — апрель 1920 г.) и 4-й конный корпус (апрель 1920 г.). Произведен в генерал-лейтенанты 18 июня 1920 г. В Русской Армии генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля командовал 2-й Донской казачьей дивизией (1 мая — 2 июля и 17 июля — 18 августа 1920 г.), Конным корпусом (3 — 16 июля), Донским корпусом (10 октября — 12 декабря) и 1-й Донской казачьей дивизией (12 декабря 1920 г. — март 1921 г.). Умер в Париже.

¹¹Полковник Д.И.Калинин в данном случае выполнил распоряжение начальника 16-й кавалерийской дивизии, приказавшего направить в атаку один эскадрон Черниговцев. Это приказание было передано полковнику Калинину ординарцем генерала Володченко штабс-ротмистром 17-го гусарского Черниговского полка А.М.Нестеренко. Получив его, временно командующий полком выдвинул вперед в лаву 4-й (средний) эскадрон своих гусар (см. свидетельство штабс-ротмистра Нестеренко, приложенное к награждному листу полковника Калинина. — РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 26986, л. 65).

¹²Субботин Александр Иванович (1877 — ?). Сын потомственного почетного гражданина Калужской губернии. Окончил Калужское реальное училище и 7 сентября 1896 г. был зачислен вольноопределяющимся рядового звания в 49-й драгунский Архангелогородский полк. В 1896 — 1898 гг. учился в Тверском кавалерийском юнкерском училище, по окончании которого выпущен эстандарт-юнкером в 51-й драгунский (впоследствии 17-й гусарский) Черниговский полк. Произведен в корнеты (1900 г.), поручики (1903 г.), штабс-ротмистры (1906 г.), ротмистры (1910 г.), подполковники (28 января 1915 г.) и полковники (27 июля 1916 г.) этого полка. В 1906 — 1910 гг. состоял старшим адъютантом управления 2-й отдельной кавалерийской бригады по хозяйственной части, после чего вернулся в полк, где занимал должности: командира 4-го эскадрона (1910 — 1916 гг.), младшего штаб-офицера (1916 г.), помощника полкового командира по строевой части (1916 — 1917 гг.) и командира полка (назначен 16 ноября 1917 г.). Участвовал в Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войнах. В 1919—1920 гг. сражался на юге России на стороне белых, командовал в Крыму 1-м дивизионом 3-го кавалерийского полка (до 14 июля 1920 г., когда был ранен в бою у села Аул-Белицкий).

¹³Гуров Петр Павлович (1879 — ?). Происходил из крестьян Серпуховского уезда Московской губернии. В 1897 г. окончил Московскую 2-ю гимназию и вступил вольноопределяющимся рядового звания в 51-й драгунский Черниговский полк. В 1898 — 1900 гг. учился в Тверском кавалерийском юнкерском училище, по окончании которого был произведен в корнеты своего полка. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах как поручик (1904 г.), штабс-ротмистр (1908 г.), ротмистр (27 февраля 1916 г.) и подполковник (13 июня 1916 г.) Черниговского драгунского, затем гусарского полка. В 1914 — 1917 гг. занимал должность командира 3-го эскадрона. С 6 декабря 1916 г. по 5 февраля 1917 г. находился на излечении в полевом госпитале,

затем вернулся в строй, но 19 мая 1917 г. был вновь эвакуирован в тыл по болезни. Лечился в Москве, откуда в полк уже не возвратился.

¹⁴Папкевич Виктор Павлович (1889 — ?). Сын ротмистра. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус и Елисаветградское кавалерийское училище. Корнет (1909 г.), затем поручик (1912 г.) 17-го гусарского Черниговского полка. 29 июля 1914 г. переведен в Гвардейский запасный кавалерийский полк. Участвовал в Первой мировой войне; в 1915 г. прикомандирован к Черниговскому гусарскому полку, в бою при Олешнице (2 июня) временно командовал 6-м эскадром и был ранен. Произведен в штабс-ротмистры 27 октября 1917 г.

¹⁵Так в тексте. Правильное название этой деревни — Футоры (польск. Futory).

¹⁶Володченко Николай Герасимович (1862 — после 1941). Сын надворного советника. Получил образование в 3-й Санкт-Петербургской военной гимназии и Михайловском артиллерийском училище. Служил в 1-й резервной артиллерийской бригаде в чине подпоручика (1884 г.) и поручика (1886 г.). В 1892 г. окончил Николаевскую академию Генерального Штаба и произведен в штабс-капитаны. Числился в Генеральном Штабе, где получил чин капитана (1894 г.), подполковника (1899 г.) и полковника (1903 г.). Занимал должности: старшего адъютанта штаба 2-й кавалерийской дивизии (1892 — 1899 гг.), старшего адъютанта штаба Виленского военного округа (1899 — 1901 гг.), штаб-офицера для особых поручений при командующем войсками того же округа (1901 — 1902 гг.) и начальника штаба 2-й кавалерийской дивизии (1902 — 1904 гг.). Участвовал в Русско-японской войне в качестве начальника этапов 2-й Манчжурской армии. С 27 октября 1905 г. по 26 апреля 1915 г. — начальник штаба Заамурского округа пограничной стражи. Произведен в генерал-майоры (14 июля 1909 г.) и генерал-лейтенанты (24 ноября 1914 г.). Участвовал в Первой мировой войне как начальник 16-й кавалерийской дивизии (с 26 апреля 1915 г.), командир 46-го армейского корпуса (с 7 апреля 1917 г.) и главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (9 сентября — 24 ноября 1917 г.). В эмиграции жил в Харбине (Манчжурия), где возглавлял Объединение бывших чинов Заамурского округа Отдельного Корпуса пограничной стражи.

¹⁷В этом месте на полях публикуемого документа имеется следующая собственноручная пометка начальника 16-й кавалерийской дивизии: «Когда я приказывал эскадрону [поручика] Папкевича рассыпаться в лаву и идти на Олешницу и в обход этого местечка с востока, то никто не знал, что находится в этом местечке; для разведки сего я и назначил эскадрон. Иначе не было бы смысла пускать конницу на засевающую за канавами и зданиями пехоту. Эскадрон и выяснил, что Олешнице пехота заняла вновь. [генерал]-м[айор] Володченко». (РГВИА, ф. 3526, оп. 2, д. 8, л. 140).

¹⁸Вачнадзе Феодор Авраамович (1889 — ?). Князь, потомственный дворянин Тифлисской губернии. Окончил Вольскую военную школу и 24 августа 1907 г. вступил вольноопределяющимся рядового звания в 30-й драгунский Ингерманландский полк. 8 октября 1907 г. принят в Тверское кавалерийское юнкерское училище, по окончании которого 6 августа 1910 г. зачислен корнетом в 17-й гусарский Черниговский полк. Вместе с этим полком участвовал в Первой мировой войне, был произведен в поручики (10 сентября 1914 г.) и штабс-ротмистры (22 июня 1916 г.). С 31 марта 1917 г. командовал 1-м стрелковым эскадром в составе Стрелкового полка 16-й кавалерийской дивизии. За отличие в конной атаке при Олешнице награжден Георгиевским оружием (приказ войскам 3-й армии № 546 от 15 октября 1915 г.).

¹⁹Людсканов-Цанков (Люцканов-Цанков) Константин Александрович (1886 — ?). Болгарин; уроженец г. София, сын бывшего министра внутренних дел Болгарии. Окончил

в России кадетский Императора Александра II корпус и Николаевское инженерное училище. По окончании последнего в 1906 г. был зачислен подпоручиком в 1-й конный Его Величества полк болгарской армии, в 1909 г. произведен в поручики того же полка. Получил дальнейшее образование в Болгарской кавалерийской школе (октябрь 1906 г. — июль 1907 г.) и в российской Императорской Николаевской военной академии (сентябрь 1910 г. — сентябрь 1912 г., октябрь 1913 г. — июнь 1914 г.). Участвовал в Балканских войнах 1912 и 1913 гг. (в ходе первой из них он состоял делегатом болгарской Главной квартиры при штабе 2-й сербской армии, а в ходе второй служил в 5-м болгарском конном полку). В июле 1913 г. произведен в ротмистры. В августе — сентябре того же года — член объединенной комиссии, созданной для определения новой границы между Болгарией и Грецией. С июня 1914 г., возвратившись из России на родину, он вновь служил в болгарской армии (19 сентября назначен командиром эскадрона 7-го конного полка) и 31 декабря 1914 г. был уволен в отставку «по домашним обстоятельствам» (в связи с тем, что его женой являлась российская подданная — дочь стат-секретаря и члена Государственного Совета А.С.Ермолова Мария Алексеевна, фрейлина при русском Императорском Дворе). 9 января 1915 г. принят на военную службу России и зачислен ротмистром в 7-й уланский Ольвиопольский Его Величества Короля Испанского Альфонса XIII полк. С 25 января 1915 г. прикомандирован к штабу 16-й кавалерийской дивизии для несения службы офицера Генерального Штаба (заведывающего оперативной частью). 2 июня 1915 г. по личной инициативе принял участие в конной атаке Черниговских гусар при Олешнице, за что был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 20 — 21 июня 1915 г., 29 сентября — 15 октября 1915 г. и 17 марта — 17 апреля 1916 г. временно «исправлял» должность начальника штаба 16-й кавалерийской дивизии. 21 июня 1915 г. у деревни Тихобуж был ранен осколком разорвавшегося тяжелого снаряда противника в область бедра, до 21 сентября 1915 г. находился на излечении. 11 марта 1916 г. принят в русское подданство. 20 июля 1916 г. переведен в Генеральный Штаб капитаном и назначен старшим адъютантом штаба Сводной кавалерийской дивизии, в которой затем временно «исправлял» должность начальника штаба (4 — 24 сентября 1916 г., 22 ноября 1916 г. — 12 января 1917 г. и 5 — 19 февраля 1917 г.). С 20 мая 1917 г. — и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 2-го кавалерийского корпуса. 15 августа 1917 г. произведен в подполковники и назначен штаб-офицером для поручений при штабе того же корпуса. В 1918 — 1919 гг. служил в Красной Армии, затем перешел на сторону белых, был оправдан военным судом (15 июня 1919 г.) и зачислен в состав Вооруженных Сил на юге России.

²⁰В документе полковника Дессино это предложение заканчивается словами «...свалился в канаву», и о дальней-

шей судьбе поручика князя Вачнадзе не сообщается (РГВИА, ф. 16180, оп. 1, д. 77, л. 437).

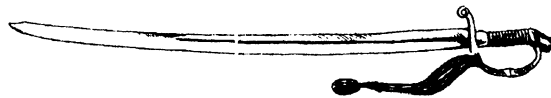
²¹В тексте полковника Дессино после слов «а полк собрался у леса в д. Футори», следует: «откуда в 11-м часу ночи отошел в д. Залуже, где стал на ночлег» (там же).

²²В тексте полковника Дессино указан номер германского пехотного полка — 91-й (там же, л. 437 об.). Этот полк точно называется и во многих других документах, касающихся боя при Олешнице. Так, начальник 16-й кавалерийской дивизии, ходатайствуя о награждении полковника 17-го гусарского Черниговского полка Калинина, отметил, что благодаря смелым и искусным действиям этого штаб-офицера, был «истреблен знаменитый 91[-й] пех[отный] герм[анский] полк» (РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 26986, лл. 60 об. — 61). «Передайте мою горячую благодарность частям под начальством генерала Володченко, проявившим геройскуюливость при атаке 91-го германского пехотного полка, — сообщал в телеграмме, адресованной командующему войсками 3-й армии генералу-от-инфантерии Лешу, Верховный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич, — радуюсь, что кавалерия не теряет случаев проявить себя достойным образом» (там же, л. 62).

²³В документе полковника Дессино речь идет лишь об артиллерийском огне (ф. 16180, оп. 1, д. 77, л. 437 об.), что более точно, т.к. пулеметная и ружейная стрельба со стороны германцев после атаки русской конницы хотя и ослабела, но не прекратилась.

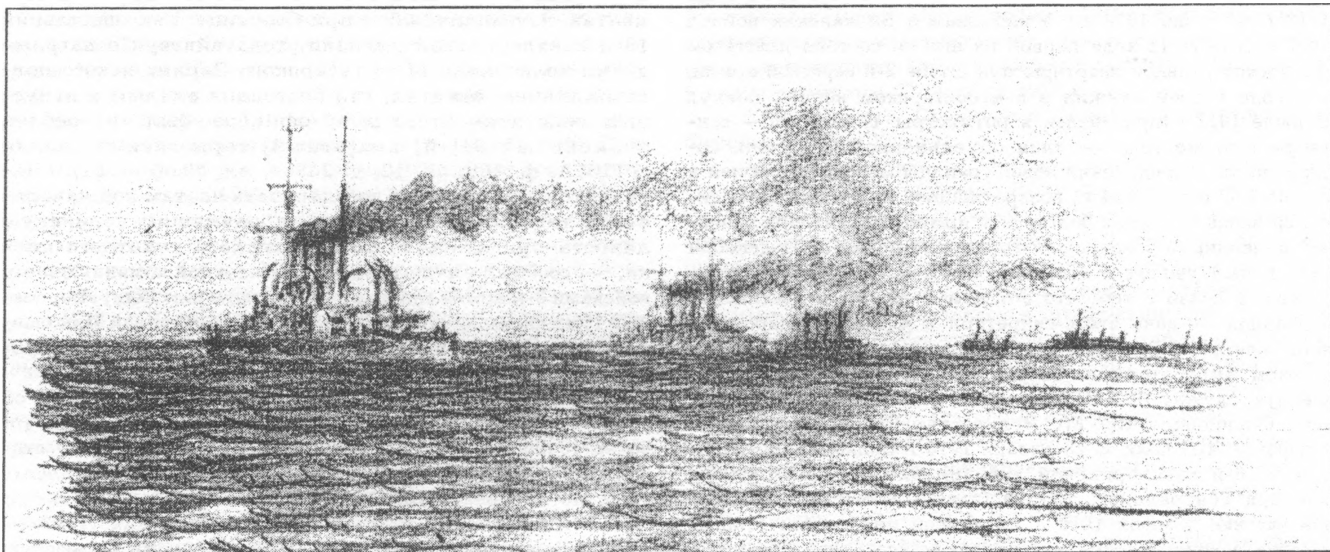
²⁴*Ярошев 2-й Дмитрий Константинович* (1893 — 1920). Происходил из дворян. В 1912 г. окончил Орловскую Алексеевскую гимназию и вступил рядовым на правах волюноопределяющегося в 17-й гусарский Черниговский полк. В 1913 г. уволен в запас армейской кавалерии с чином прапорщика. При мобилизации возвратился в свой прежний полк и был зачислен младшим офицером в 4-й эскадрон. Участвуя в Первой мировой войне, произведен в корнеты (1914 г.) и поручики (1915 г.). С 29 ноября 1915 г. занимал должность ординарца при командире 1-й бригады 16-й кавалерийской дивизии. В Гражданскую войну сражался на стороне белых, погиб на эсминце «Живой», утонувшем при эвакуации Русской Армии из Крыма в ноябре 1920 г.

²⁵Полковник Д.И.Калинин в своем донесении начальнику 16-й кавалерийской дивизии, посланном 3 июня 1915 г. (в 12.30) из деревни Залуже, привел следующие цифры потерь 17-го гусарского Черниговского полка в бою 2 июня: убито 2 гусара и 3 лошади (в том числе 2 собственных офицерских и 1 строевая); ранено 2 офицера (из них один остался в строю), 32 гусара (из них 4 осталось в строю) и 19 лошадей; осталось на поле битвы 40 гусар и 97 лошадей (РГВИА, ф. 3526, оп. 2, д. 8, л. 157 и об.). В публикуемом документе показаны более поздние, уточненные данные об уроне Черниговцев при Олешнице.

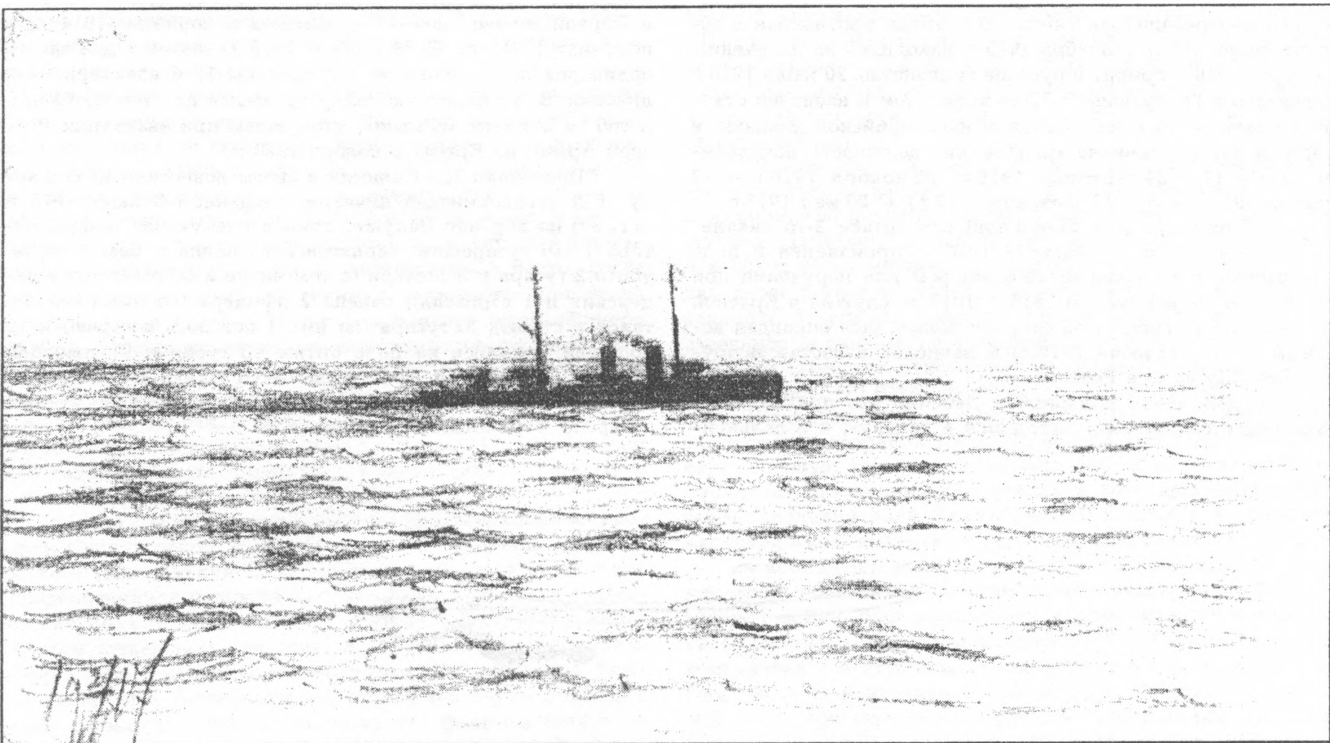
РИСУНКИ ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

Предлагаемые вниманию читателя зарисовки, сделанные инженер-механиком Черноморского флота Ф.А.Гусаковым с борта гидрокрейсера «Дакия» во время летней кампании 1917 года, продолжают публикацию, начатую в № 7 (136) «Военной Были». Примечания к рисункам — К.Стрельбицкого.

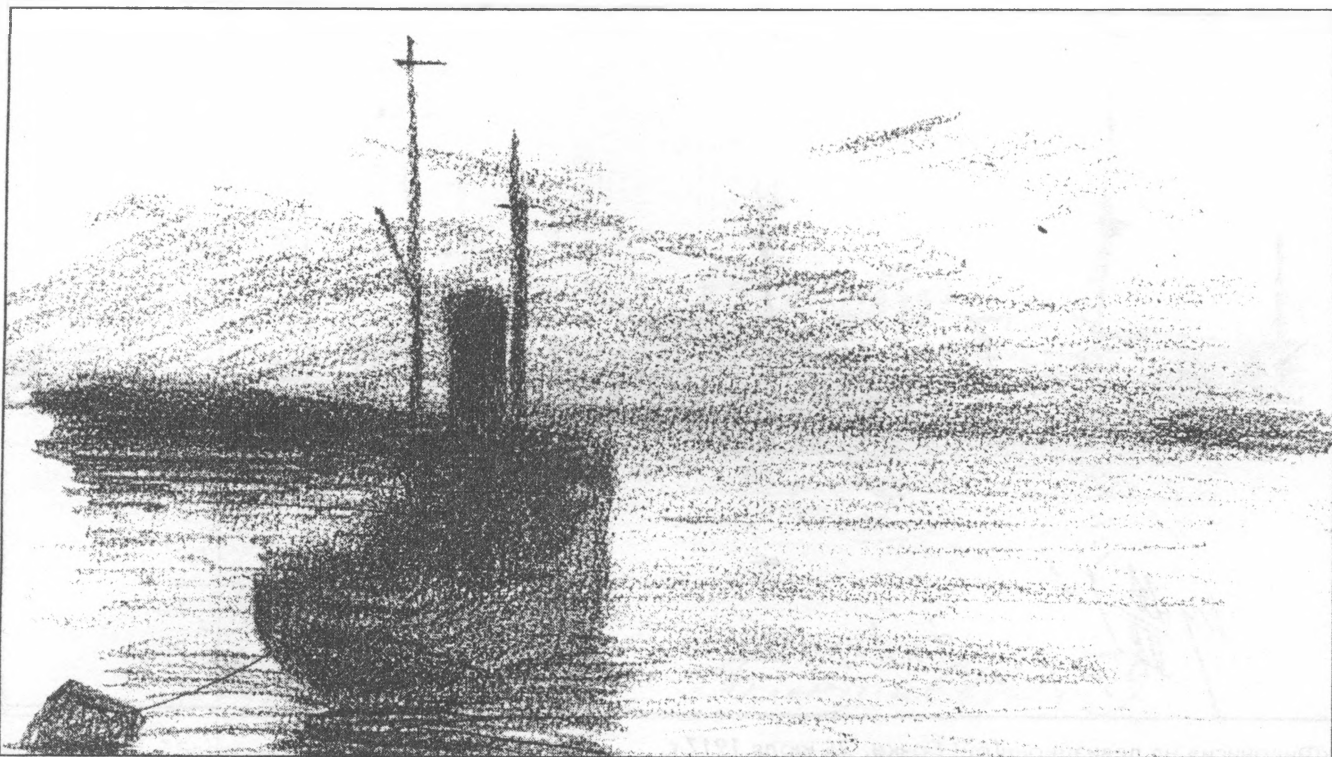

Сумерки. 26 июля 1917 г.

На переднем плане слева художником изображен линейный корабль «Три Святителя», за ним — два других старых линкора (бывшие эскадренные броненосцы) 2-й бригады Черноморского флота, в глубине — три новейших эскадренных миноносца типа «Новик».

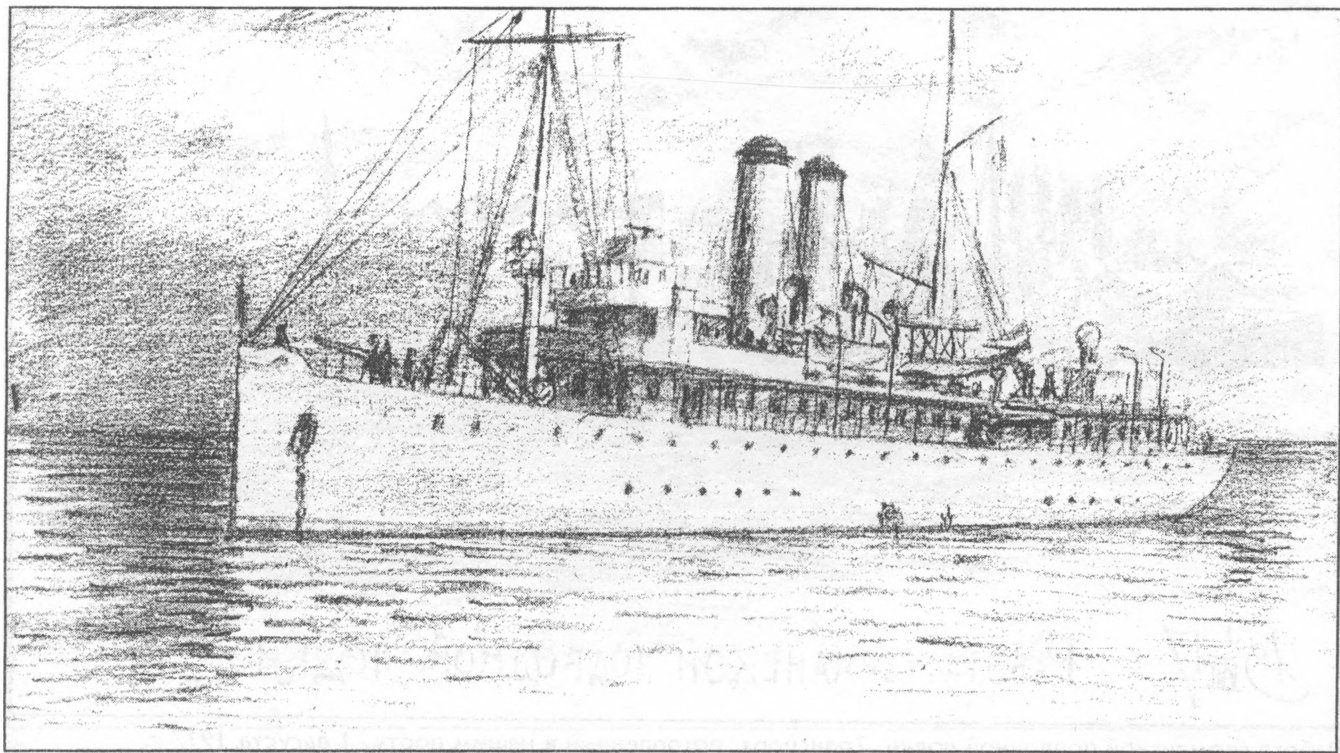

Солнце зашло («Лейт[енант] Шестаков»). 27 июля 1917 г.
Бывший минный крейсер (с 1907 года — эскадренный миноносец).

Вечер («Regel[e] Carol I»). 21 июля 1917 г.

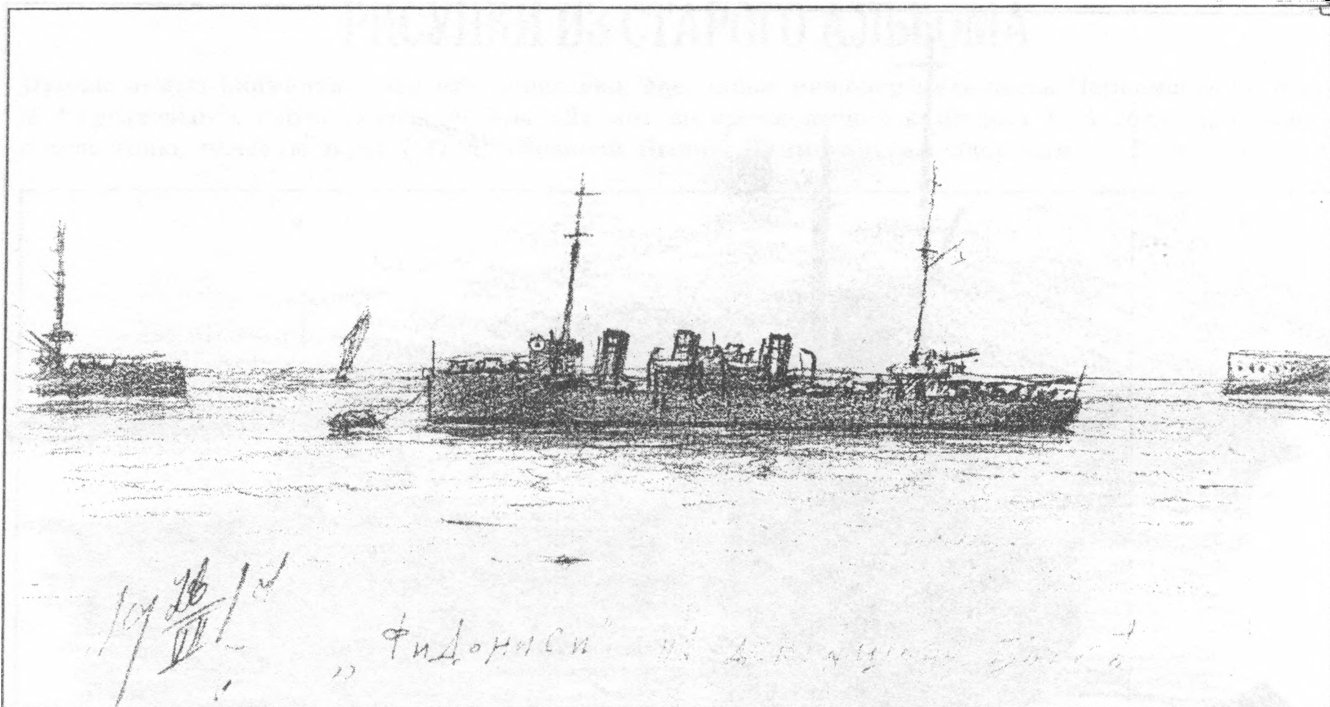
Пароход «Regele Carol I», переданный Румынией русскому командованию в числе других своих торговых судов в 1916 году, стал посыльным судном Черноморского флота под названием «Король Карл».

Румынский крейсер «Impăratul Traian». 10 августа 1917 г.

Этот корабль, также переданный Румынией России, был оборудован как плавучая база гидроавиации (на верхней палубе за трубами виден гидросамолет — летающая лодка конструкции Григоровича). Благодаря этому рисунку мы можем сегодня представить себе, как выглядел корабль самого художника — однотипный «Императору Траяну» гидрокрейсер «Дакия».

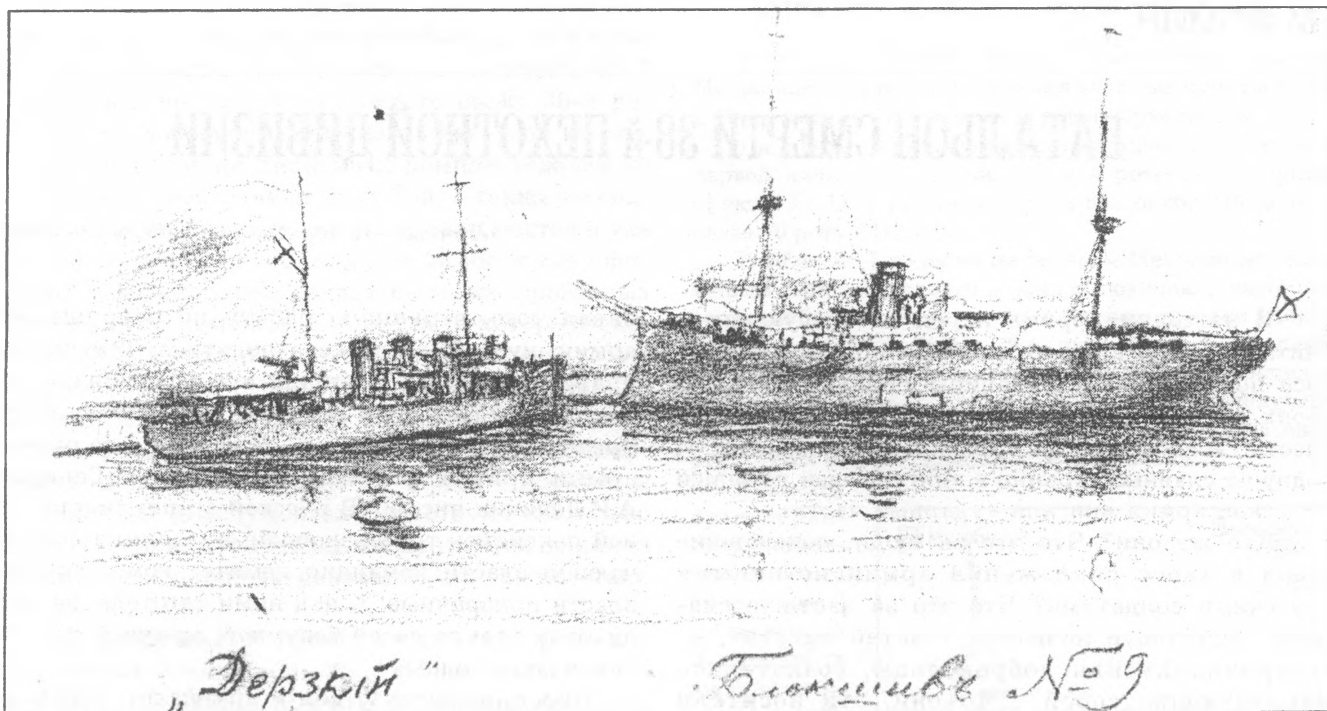
«Фидониси» на девиационн[ой] бочке. 26 июля 1917 г.

Рисунок был сделан в Северной бухте Севастополя (справа видны укрепления Константиновской батареи). Эскадренный миноносец-«новик» «Фидониси» изображен в процессе «уничтожения девиации» (девиация — отклонение компасных стрелок от направления магнитного меридиана под действием магнитного поля самого корабля) стоящим на специальном для этого месте

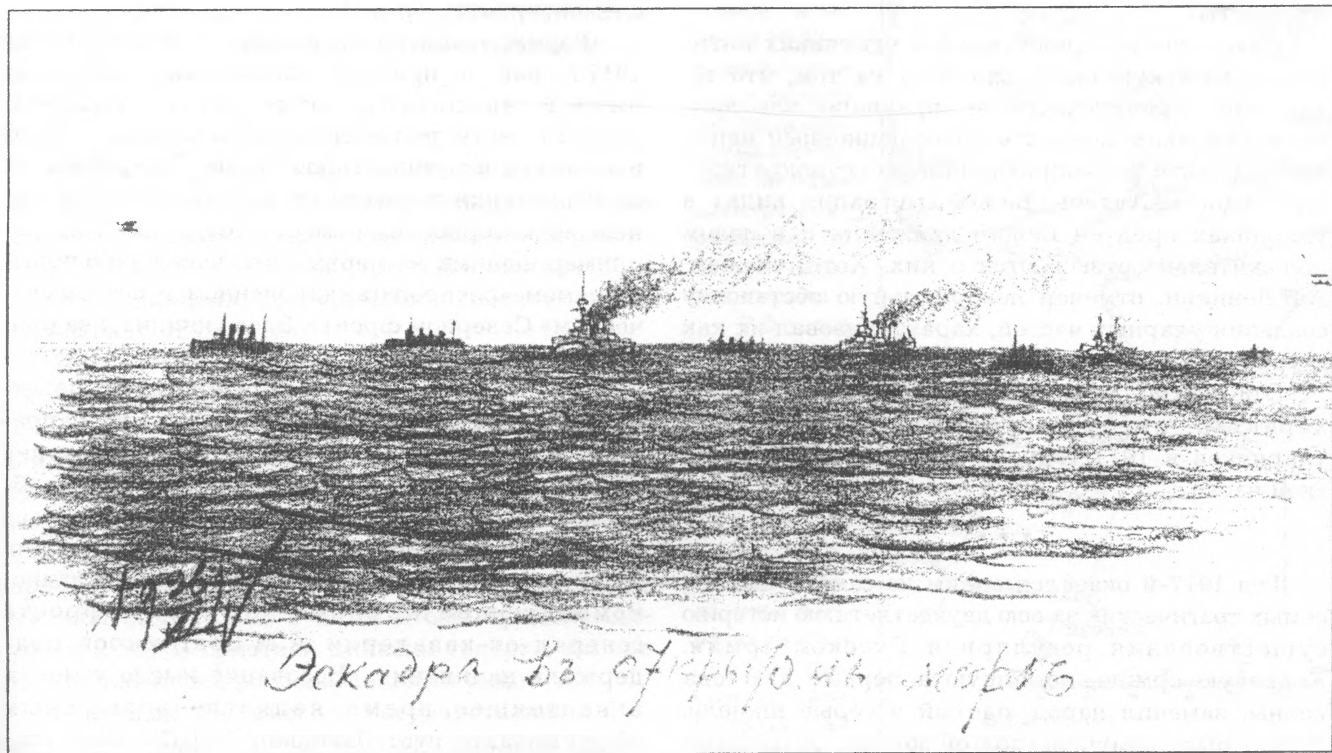
Работа германской подводной лодки. Транспорт, потопленный в нашем порту. 1 августа 1917 г.

Всего в 1915 — 1917 гг. у черноморского побережья России немецкие подводные лодки потопили два десятка русских военных и торговых судов. На рисунке изображен, очевидно, военный транспорт Черноморского флота № 72 (трофейный — бывший австрийский — грузовой пароход «Florida»), торпедированный самой результативной на Черном море немецкой подводной лодкой U-38 28 июня 1916 года у Сухума.

«Дерзкий» [и] Блокшив № 9.

Рисунок не датирован автором, но сделан не позднее 21 июля 1917 года, о чем говорит его место в альбоме. Изображены эсминец-«новик» «Дерзкий» и минный блокшив — плавучий склад морских мин и торпед — № 9 (бывший товаро-пассажирский пароход «Меркурий»).

Эскадра в открытом море. 26 июля 1917 г.

Из-за невозможности различить отдельные, характерные детали кораблей практически нельзя и установить, какие 3 старых линейных корабля (один из них, предположительно, «Три Святителя») и 5 эсминцев изображены художником. Над кораблями в левой и правой частях рисунка видны находящиеся в воздухе гидросамолеты.

БАТАЛЬОН СМЕРТИ 38-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

«Лучше — смерть, чем гибель родины»

В настоящее время перед интересующимся читателем в различных изданиях приоткрываются все новые и новые страницы Великой войны. В боях 1914–1917 гг. русские войска поддержали честь своих овеянных бранной славой знамен. И одну из славных страниц в книгу боевой летописи Русской армии вписали «ударные части».

Кто же они? Что это за люди, показавшие себя в хаосе разложения армии истинными русскими солдатами? Что это за части, носившие леденящее название «частей смерти», — «опричники» или добровольцы, сознательно жертвующие собой? Кто они, эти носители черепов на фуражке и погонах, имевшие шеврон «корниловской» расцветки, братья ударников-корниловцев, которые даже в советском офицере изображались идущими во весь рост на пулеметы?

Советские историки, видя в ударниках антибольшевистскую силу, сходятся на том, что те, как опора правительства и «правящих классов», были призваны подавить «революционный напор масс» и активно сопротивлялись «демократизации армии». Авторы Белой эмиграции видят в ударниках предтеч Белого движения и в целом положительно отзываются о них. Хотя, скажем, А.И.Деникин, отмечая ненормальную обстановку создания ударных частей, характеризовал их как «суррогаты армии».

Эта статья, не претендуя на всеобъемлющий характер, имеет целью показать действия ударников в 1917 году на примере одной воинской части.

* * *

Год 1917-й оказался одним из самых черных, самых трагических за всю двухсотлетнюю историю существования регулярной Русской армии. Кадровую армию, погибшую в первые два года войны, заменил народ, одетый в серые шинели. Войска были измучены долгой войной, ярчайшими показателями чего стали антивоенные выступления в некоторых частях в начале 1917 г.

С февральской революции новая «революционно-демократическая власть» начала, не осоз-

навая того, страшную работу по разрушению армии, куда была внесена политика. Тем самым правительство превращало армию в арену политической борьбы, а воинская дисциплина была признана «старорежимной». К началу лета развал армии принял угрожающие формы. Генерал А.И.Деникин писал: «В русской армии вместо одной появились три разнородные, взаимно исключаящие власти: командир, комитет, комиссар. Три власти призрачные. А над ними тяготела, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью власть толпы»¹.

Перед правительством и армейским руководством встала необходимость каких-либо попыток по удержанию фронта от развала. Одной из этих попыток было создание добровольческих частей (ударных и национальных), которые должны были сцементировать армию.

Формирующиеся на фронте и в тылу с мая 1917 г., как по приказу командования, так и по личной инициативе отдельных офицеров, ударные части делились на части из фронтовиков и на части из «волонтеров тыла». Специфика их формирования зависела от многих факторов, одним из которых было место создания. Так, например, одними из первых эти части зародились на самом «распропагандированном и обольщенном» Северном фронте. Здесь инициатива принадлежала армейскому офицерству.

Весною 1917 г. штабс-капитан 152-го пехотного Владикавказского полка В.П.Егоров² направил военному министру проект формирования «батальона смерти» и, получив одобрение, обратился к войскам с призывом присоединиться к движению. Верховный Главнокомандующий генерал-от-кавалерии А.А.Брусиллов и Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-от-кавалерии А.М.Драгомиров поддержали начинание. «Воззвание имело успех, и в настоящее время является возможным сформировать этот батальон. [...] Со своей стороны думаю, что такое формирование может способствовать подъему наступательного порыва», — телеграфировал Драгомиров Брусиллову 1 июня 1917 г. (телеграмма за № 448)³.

ОПИСАНИЕ БОЯ 8–11 ИЮЛЯ 1917 ГОДА

Согласно этой телеграмме, батальон комплектовался по штату неотдельного батальона и в качестве его кадра было приказано выделить по 3 офицера и 40 солдат из каждого полка 38-й дивизии на добровольной основе. Батальон подчинялся начальнику дивизии и комплектовался из числа лиц, необязанных службой, а также из солдат и офицеров фронтовых и тыловых частей (судя по спискам личного состава, на 28 июня все офицеры и большинство солдат было из фронтовых частей 19-го армейского корпуса, в который входила 38-я дивизия). Ударники получили и особую форму: рукава и борт рубахи обшивались черной и белой лентой, кокарда и пуговицы, «в знак гражданской свободы» — красной материей; шифровка на погонах состояла из черепа с костями и номера «38» (в документах существуют несколько незначительно отличающихся вариантов ношения формы и нет точных указаний, что же все-таки носилось).

14 июня 1917 г. штабс-капитан Егоров, назначенный командиром батальона, приступил к его формированию. Местом формирования стал «лагерь у будки № 189 Риго-Орловской железной дороги». На 28 июня часть состояла из 4 пехотных рот и 2 специальных команд (пулеметной и связи) и насчитывала 26 офицеров и около 1100 ударников. К 1 июля в ее состав вошла команда разведки из казаков и была сформирована 5-я рота.

* * *

В планах летнего (1917 г.) наступления русских войск Северному фронту отводилась роль второстепенного. 5-я Армия генерала-от-инфантерии Г.Н.Данилова, в состав которой входила и 38-я пехотная дивизия, должна была наносить удар к юго-западу от Двинска.

Приказом генерала Данилова батальон смерти передавался в распоряжение командующего 1-м армейским корпусом генерал-майора Л.М.Болховитинова. В составе корпуса ударники должны были участвовать в прорыве обороны противника у двора Турмонт. Из-за недостатка в снаряжении и оружии (нехватало пулеметов) батальон прибыл в деревню Межанишки (исходный пункт наступления) только 4 июля и был прикомандирован к 161-й пехотной дивизии генерал-майора П.М.Долженкова, располагавшейся рядом⁴.

В фондах Российского Государственного Военно-Исторического Архива сохранилось описание боя батальона у дв. Турмонт⁵, датированное 12 июля и подписанное штабс-капитаном Егоровым, которое и приводится ниже.

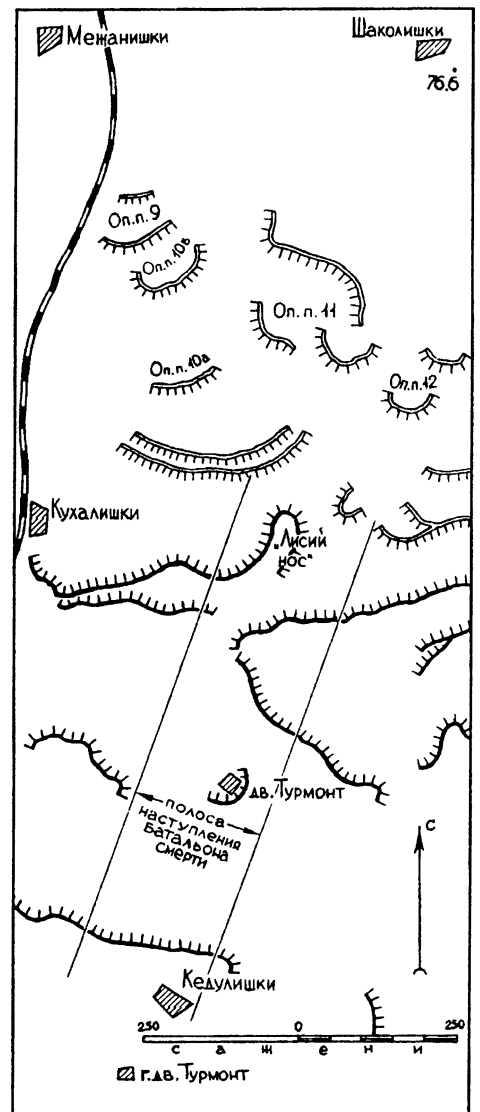
6-го июля в 20 часов батальон выступил из деревни Межанишки на позицию и занял опорные пункты № 11 и 12 до высоты 68,2 против деревни Кухалишки.

1 и 2 роты батальона заняли исходное положение в первой линии плацдарма, а 3 и 4 роты [—] опорные пункты № 11 и 12, имея справа 642 пехотный полк и слева 10 роту 641 полка.

В 20 часов 7-го июля из деревни Межанишки выступила 5 рота батальона и заняла позицию в тылу резервного 643 пехотного полка на линии деревни Шаколишки — высоты 76,6 и 79,4, имея задачей во время артиллерийской подготовки задерживать бежавших с позиций солдат 641, 642, 643 полков, ввиду полученных сведений о постановлении целых рот и батальонов отказаться от наступления к началу атаки.

К началу артиллерийской подготовки в 3 часа 10-го июля 3 и 4 роты были оттянуты в щели за опорными пунктами № 11 и 12, а на их место отошли на пункт № 11 — 1 рота, а на пункт № 12 — 2 рота, оставив в первой линии плацдарма в качестве наблюдателей и охранителей по 40–50 человек от роты.

В 5 часов 8-го июля, началась артиллерийская подготовка. Артиллерийским огнем к наступлению темноты первого дня была уже разрушена вся первая линия проволочных заграждений и окопов. Высланной в 23 часа 8-го июля

Район атаки батальона смерти 10 июля 1917 г. (оригинал схемы — РГВИА. Ф. 2181, оп. 1, д. 124, л. 267)

разведкой выяснено, что противника в окопах нет; он во время обстрела сохранялся в цементированных блиндажах, которые еще не были разрушены. Местность перед деревней Кухалишки оказалась проходимой.

В 19 часов 8-го июля в течение 10 минут была проведена ложная артиллерийская атака. Наша артиллерия открыла по неприятельской позиции ураганный огонь, на который противник отвечал очень редким огнем своей артиллерии.

В течение ночи с 8-го на 9-ое июля наша артиллерия поддерживала огонь с целью препятствовать противнику восстанавливать разрушенные проволочные заграждения. К этому же были привлечены пулеметы нашей команды.

В 4 часа 10 минут 9-го июля противник открыл без всякой видимой причины сильный артиллерийский огонь, очевидно, предполагая начало нашей атаки. Наша артиллерия ответила ураганным огнем, ведя таковой до 5 часов, и заставила противника замолчать.

В 23 часа 9-го июля противник стал пускать сигнальные красного и зеленого цветов ракеты и вслед за этим открыл интенсивный заградительный огонь по первой линии и тылам нашей позиции. Наши батареи ответным огнем привели противника к молчанию. Высланная в 2 часа 10-го июля наша разведка ничего нового не дала.

К 3-м часам, 1 и 2 роты заняли на плацдарме исходное положение, 3 и 4 роты — передовые линии опорных пунктов [№] 11 и 12, вторая полурота пятой роты заняла окопы опорного пункта № 11, а первая полурота была оставлена в резерве и расположилась по резервным окопам пункта № 12.

Затем ввиду упорных слухов и донесений наших комиссаров, что полки 161 пехотной дивизии не хотят идти в наступление, первая полурота 5 роты была оттянута в лес и рассыпалась в цепь в затылок 2-му батальону 643 пехотного полка.

К 10 часам наша артиллерия развила огонь до степени ураганного. Ровно в 10 часов батальон 16-ю волнами пошел в атаку. Артиллерией противника был моментально открыт самый сильный огонь, а также редкий ружейный и пулеметный.

Под страшным огнем артиллерии противника батальон занял первую линию окопов и двинулся дальше. В первой линии особенного сопротивления оказано не было. Не останавливаясь, к 11 часам батальон занял вторую и третью линии немецких окопов. Проволочное заграждение третьей линии оказалось не поврежденным. При взятии этой линии батальоном были понесены особенно большие потери, т.к. пришлось резать проволоку и выбивать противника из окопов, где он оказал отчаянное сопротивление. С правого фланга противником был открыт сильный пулеметный огонь.

Заняв 3-ю линию, батальон залег в ней, т.к. идти дальше не было сил ввиду понесенных потерь, и только около 50 человек с правого фланга прорвались в 4-ю линию, где залегли и стали ждать поддержки.

Одновременно с батальоном пошли в атаку справа — 642 пех. полк и слева — 641 пех. полк. 642 полк только к 12 часам взял первую линию окопов, но не мог

удержаться и отошел обратно в свой окоп, открыв таким образом наш правый фланг. 641 полк, наступавший слева, дошел только до наших проволочных заграждений и, испугавшись заградительного огня противника, как стадо баранов ринулся обратно в свои окопы и разбежался по нашей первой линии и резервным окопам, где тотчас же залег. Ни просьбы своих офицеров и ни угрозы не могли заставить их идти вперед.

Назначенные на поддержку батальона 2 и 3 батальоны 643 пехотного полка отказались двигаться вперед и остались в лесу позади укрепленных пунктов [№] 11 и 12. Ввиду создавшегося положения была выслана половина 5 роты с целью выгнать из леса эти батальоны на поддержку солдат батальона смерти, занимавших в это время уже 4-ю линию окопов противника.

При посредстве угрозы полуроте удалось заставить выйти 2 и 3 батальоны 643 пех. полка из леса и занять сначала первую линию наших окопов, а две роты этих батальонов выгнать на «Лисий» нос, но гнать дальше уже было невозможно, т.к. солдаты наводнили все ходы сообщения и все воронки «Лисьего» носа, и никакими мерами невозможно было заставить [их] двигаться дальше.

Таким образом, для батальона создано следующее крайне тяжелое положение: занимая первые три линии окопов на возвышенности у двора «Турмонт», батальон очутился без поддержки с тыла и с открытыми флангами, отражая яростные атаки противника. С левого фланга первой линии, оставшиеся немцы против участка 641-го полка, а также с правого фланга, против участка 642-го полка — открыли в тыл нашему батальону пулеметный огонь.

Продержавшись до 14 часов в таком положении и не получив поддержки ни с тыла, ни справа, ни слева, батальон под страшным артиллерийским, пулеметным, минометным и ружейным огнем, неся страшные потери, начал отходить в свои окопы.

Возвратилось из батальона около 650 солдат, из которых 250 человек 5 роты, понесшей малые потери благодаря тому обстоятельству, что 5 рота занимала лишь первую линию окопов противника.

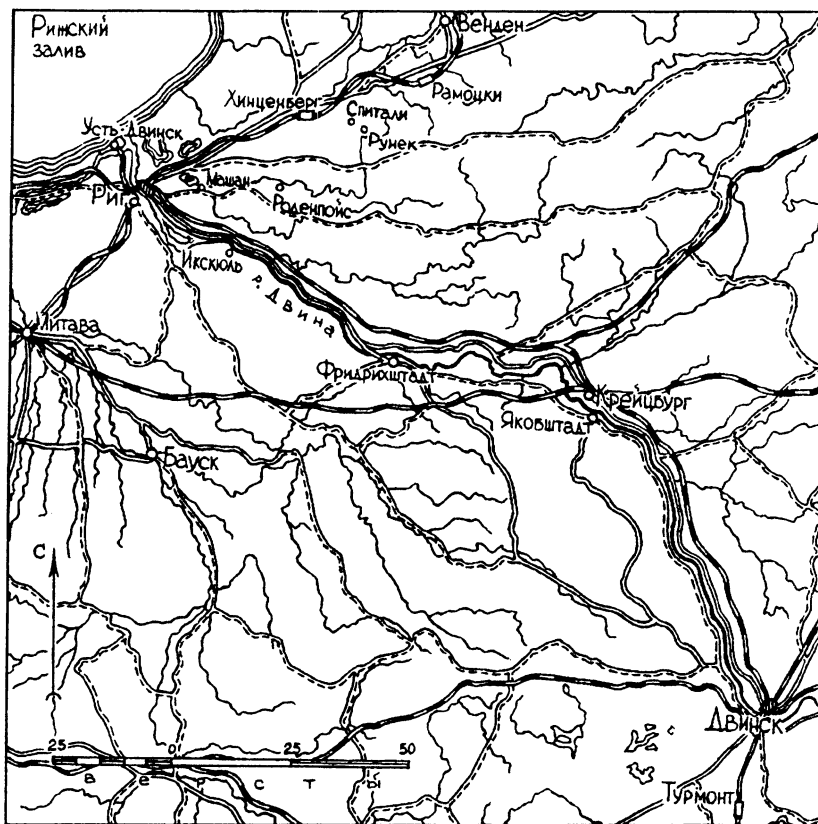
Особенно большие потери понес батальон в офицерском составе благодаря самоотверженному исполнению долга офицерами. Потери превышают 80%.

Командир батальона штабс-капитан Егоров

Позиции перед дв. Турмонт защищали 2-й (в первой линии) и 3-й (во второй линии) батальоны 425-го пехотного полка 88-й германской дивизии генерал-лейтенанта фон Будденброка. По показаниям пленных германцев (ударниками было захвачено 38 человек), «появление русских [...] утром [...] было совершенно неожиданно. О присутствии (ударников. — М.Ф.) узнали только тогда, когда русские забросали их гранатами»⁶. Оба германских батальона понесли большие потери. Генерал Долженков в телеграмме командиру корпуса отметил: «Считаю, что лихая атака батальона смерти могла бы дать

крупный успех не только корпусу, но и отразиться на всем фронте армии, если бы не та болезнь, которая разложила силу пехоты. Боевая работа батальона, в короткое время овладевшего укреплениями противника до дв. Турмонт, невзирая на огромные потери, отсутствие поддержки в тылу и на флангах, — говорит сама за себя»⁷.

Вследствие больших потерь батальон смерти был выведен 12 июля из состава 1-го армейского корпуса и отведен в Двинск на переформирование. Несмотря на большие потери, проблем с комплектованием не встретилось. Штаб 5-й Армии ходатайствовал о переформировании батальона в трехбатальонный полк с наименованием части «Турмонтский полк смерти», указывая на достаточное количество добровольцев. Но это было отклонено генералом-от-инфантерии В.Н.Клембовским — новым Главнокомандующим армиями Северного фронта.

Район боевых действий батальона смерти летом — осенью 1917 г.

* * *

В связи с готовящимся наступлением немцев на Ригу русское командование приняло решение о переброске в 12-ю Армию генерал-лейтенанта Д.П.Парского, защищавшую это направление, 38-й дивизии, как одной из самых надежных на Северном фронте.

Германское командование решило окружить 12-ю Армию наступлением на оба ее фланга, сомкнув кольцо севернее Риги, главный удар нанеся на Икскюль — Роденпойс — Хинценберг. Выполнение плана ложилось на 8-ю Армию генерала фон Гутьера.

Ударники прибыли в Ригу и отдельно от дивизии вошли в состав 2-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта В.Ф.Новицкого.

12 августа в городе произошли вооруженные столкновения, в которых участвовали и ударники. Начальник гарнизона г. Риги генерал-майор князь П.Л.Меликов докладывал начальнику штаба 12-й Армии, генерал-майору А.А.Посохову: «В ночь с 12 на 13 августа на почве озлобленности латышей, как рабочих, так и части стрелков латышских частей — к батальонам смерти — произошло вооруженное столкновение между батальоном смерти 38 дивизии, с одной стороны, и латышами-стрелками 2-го Рижского полка (коман-

дир полковник Пенике. — М.Ф.) и рабочими с другой⁸; первыми, по-видимому, пущено в ход оружие со стороны латышей. Подошедшими частями пехоты, казаков, драгун и броневиков к 2 часам ночи был водворен порядок во всем городе; по подходящим частям [...] производилась ружейная и пулеметная стрельба, и даже бросались ручные гранаты из некоторых домов, имевшая вид скорее провокаторской стрельбы — со стороны подозрительных лиц с целью вселить рознь в войска. Потери точно не выяснены: убито 2 солдата батальона смерти, около 15 ранено той же части, латышей ранено 2, арестованы как латыши офицеры и солдаты, так и частные лица. Следствие производится»⁹. Во избежание повторения событий генерал Парский приказал вывести батальон из города в предместье Гагенсберг.

В связи с начавшимся наступлением германцев и прорывом русской обороны по Западной Двине у Икскюля, ударники вместе с 4-й Сибирской стрелковой дивизией генерал-майора Н.Н.Иуона выступили из предместья и сосредоточились южнее Риги в Берггофе.

Во второй половине дня 19 августа батальон вошел в состав отряда генерал-майора В.Е.Вязь-

митинова (командующего 136-й дивизией 2-го Сибирского корпуса), прикрывающего путь на Ригу, и расположился на берегу Западной Двины. Фактически в тот момент батальон представлял собой полк двухбатальонного состава (1-й батальон — из 5 рот, 2-й батальон — из 3 рот) и насчитывал в своих рядах 56 офицеров и 1867 солдат, называясь в ряде донесений «ударным полком 38-й дивизии».

Опасаясь окружения Риги, командование 12-й Армии приняло решение об оставлении города и плацдарма, начав отвод войск на Венденские позиции. Отряд Вязьмитинова отходил к Машанской переправе, отбиваясь от наступающих немцев. Батальон, находясь в резерве, участия в боях не принимал, несмотря на неоднократные просьбы ударников пустить их в бой. В «Описании боевых действий батальона [...] в период с 19 по 23 августа 1917 года» говорится: «Батальон смерти 38 пехотной дивизии [...] был особенно удручен тем, что ему не представилось наступлением выполнить свой обет [...]»¹⁰.

В связи с поступившим донесением о наступлении противника на станцию Хинценберг, батальону было дано приказание генерала Новицкого: «Задержаться у станции [...] с целью оказать упорное сопротивление противнику, дать возможность эвакуироваться обозу и подвижному составу станции [...] и по выполнении задачи отойти на станцию Рамоцки в состав 4-й Сибирской дивизии»¹¹.

Во исполнение приказа станция Хинценберг была занята 1-м батальоном, рассыпавшимся в цепь, 2-й оставался в резерве. Ударники взаимодействовали с частями 17-й кавалерийской дивизии генерал-майора П.П.Каньшина. В течение дня 22 августа батальон отбивал атаки противника, а около 16 часов ему на смену прибыл 2-й Рижский полк 1-й латышской бригады, который отказался заменить батальон, т. к. «имел задачей охранять станцию только до 18 часов». В 18 часов 30 минут по приказанию начальника 17-й кавдивизии после ухода последнего поезда батальон стал отходить к станции Рамоцки. Часть людей 1-й и 2-й рот под командованием прапорщика Порты, ввиду крушения поезда, задержалась до тех пор, пока не был очищен путь.

Отходившая отдельно от батальона команда пешей разведки разделилась на две партии, причем 1-я отходила с 13-м Сибирским полком от Машан по Петроградскому шоссе, а 2-я — вместе с ударным батальоном 5-й Сибирской дивизии (из состава 2-го Сибирского корпуса; командующий дивизией — генерал-майор Е.А.Милоданович)

отбивала нападения партий противника на обоз, следовавший по Петроградскому шоссе.

Утром 23 августа батальон был придан 17-й кавдивизии и ему было приказано с целью обеспечения фланга кавалерии овладеть мызой Юдаш, защищаемой частями 20-й германской резервной дивизии. Мызу брал отряд командира 2-й бригады 17-й кавдивизии полковника С.Николаева, состоявший из 10-го Рыпинского пограничного конного полка, двух эскадронов стрелкового полка 17-й кавдивизии и батальона смерти 38-й пехотной дивизии. После непродолжительного, но упорного боя 27 августа ударники взяли мызу при содействии конницы, захватив 5 пулеметов и 66 пленных (из них 61 чел. был взят батальоном смерти), принадлежащих к 59-му и 79-му германским резервным полкам, причем, по свидетельству пленных, противник понес большие потери (около 300 человек убитыми).

За этот бой командир батальона штабс-капитан Егоров и один из его подчиненных, штабс-капитан Петров, были приказом командующего 12-й Армией от 29 октября за № 1034 награждены Георгиевским оружием (однако награждения эти утверждены не были, как и многие другие). В приказе говорилось: «награждены: [...] Василий Егоров, за то, что в бою [...] под мз. Юдаш, воодушевляя вверенный ему батальон смерти и увлекая его личным примером мужества и отваги, по пересеченной и труднодоступной местности под убийственным огнем артиллерии, ружейным и пулеметным довел батальон до мз. Юдаш, откуда штыковым ударом противник был выбит, оставив в наших руках 61 пленный, 5 пулеметов и много другой военной добычи; [...] умерший от ран, Александр Петров, за то, что [...], командуя 2-м батальоном, под убийственным огнем противника, подавая пример личной храбрости, довел батальон до штыкового удара, во время которого пал, смертью запечатлев свой подвиг»¹².

Батальону было приказано совместно с кавалерией продолжить наступление, но из-за больших потерь в личном составе (в строю осталось около 700 человек), особенно в офицерах, батальон был сменен и отведен в резерв, а затем возвращен в 4-ю Сибирскую дивизию.

30 августа ударники вместе с полуторами эскадронами Финляндских драгун и 14-м Сибирским стрелковым полком вошли в левую колонну полковника И.Е.Барановского (командира 14-го полка). Колонне была поставлена задача овладеть узлами путей Рунек — Спитали. В бою с германской гвардией у Спитали (предположительно это

был 3-й гвардейский гренадерский полк 2-й гвардейской дивизии) батальон потерял около 300 человек, в последующие два дня в результате напряженных боев его численность сократилась до 300 штыков. Из-за этого ударники были отведены в резерв, а затем в связи с наступившим на фронте затишьем выведены из состава фронта и перевезены в Двинск на вторичное переукомплектование. За бои под Ригой штабс-капитан Егоров был приказом Армии и Флоту от 19 ноября 1917 г. произведен в капитаны.

Командующий 14-м армейским корпусом на Северном фронте генерал-лейтенант барон А.П.Будберг писал в своем «Дневнике» (запись датирована 10 октября): «Образовавшиеся кое-где ударные батальоны служат отлично, дерутся героически и на них надо базироваться; действия этих батальонов во время июльского наступления и при рижском прорыве, где такой батальон 38-й дивизии буквально спас все положение, дают полное право надеяться, что с такими частями мы удержим фронт»¹³.

Документы, освещающие дальнейшую деятельность батальона смерти 38-й пехотной дивизии, пока не обнаружены, и единственное упоминание о нем встречается в «Дневнике» барона Будберга (запись от 7 ноября), который уже резко противоречит своей предыдущей оценке (это могло быть связано с тем, что батальон смерти отказался сменить на позициях ударников его

120-й дивизии): «Ударники 38-й дивизии были таковыми только до тех пор, пока с этим было связано квартирование в Двинске в качестве охраны штаба армии и проистекавшие из этого милости и льготы; как только они узнали, что им надо идти на боевой участок, батальон сразу растаял, quasi-ударники разошлись по своим частям, а большинство удрало в отпуск»¹⁴. Возможно, что Егорову не удалось набрать в батальон смерти солдат, подобных его старым ударникам. Такой печальный конец батальона был связан, конечно, с общим развалом фронта и приходом к власти большевиков.

* * *

После октябрьского переворота большевики стали опасаться, что, в условиях фактически начавшейся гражданской войны, ударные части примут участие в боях с красной гвардией и большевизированными частями старой армии. Поэтому, несмотря на опасность полного развала фронта и возможность оккупации страны австро-германцами, новая власть приказом Верховного Главнокомандующего Крыленко упразднила неудобные для нее ударные части. С их расформированием угасла последняя надежда на сохранение фронта и, как показало время, дезертировавшие остатки старой армии и недисциплинированные красногвардейцы не смогли противостоять германскому вторжению вглубь страны в 1918 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 1991. С. 294.

² Василий Петрович Егоров родился 22 июня 1892 г., уроженец Херсонской губернии, не приписан ни к какому обществу, православный, на 1917 г. — женат. Общее образование получил в Лубенской гимназии. В службу вступил нижним чином с 1 сентября 1912 г., окончил Одесское военное училище по 1 разряду и вышел в 152-й пехотный Владикавказский генерала Ермолова полк подпоручиком (произведен 12 августа 1914 г., со старшинством с 6 августа 1913 г.). Поручиком с 30 декабря 1915 г. (старшинство с 19 июля 1915 г.), штабс-капитаном с 3 августа 1916 г. (старшинство с 8 мая 1915 г.). Со 2 мая 1916 г. — начальник учебной команды. Участвовал в кампаниях 1914, 1915, 1916 гг. Кавалер орденов: Св. Анны 4 ст. с надписью «за храбрость», Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом (все — 1915), Св. Станислава 2 ст. с мечами (1916).

³ РГВИА. Ф. 2031, оп. 1, д. 1556, л. 10.

⁴ 161-я пехотная дивизия (четвертой очереди) была сформирована в феврале 1917 г. и состояла из пехотных полков: 641-го Тавдинского, 642-го Стерлитамакского, 643-го Соликамского и 644-го Верхотурского, кадры для которых были выделены из состава полков 22-й и 24-й пехотных дивизий 1-го армейского корпуса. Расформирована 161-я дивизия была 1 августа 1917 г.

⁵ РГВИА. Ф. 2181, оп. 1, д. 124, лл. 264–266.

⁶ РГВИА. Ф. 2031, оп. 1, д. 774, л. 21 об.

⁷ РГВИА. Ф. 2181, оп. 1, д. 124, л. 264.

⁸ В документе — «латышей-стрелков [...] и рабочих».

⁹ РГВИА. Ф. 2152, оп. 2, д. 308, л. 239.

¹⁰ РГВИА. Ф. 2516, оп. 1, д. 113, л. 33.

¹¹ Там же, л. 34.

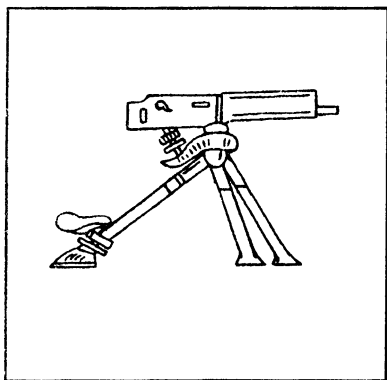
¹² Приказы по войскам 12-й Армии за июль — декабрь 1917 г.

¹³ Будберг А.П. Дневник // Архив русской революции. Т.12. Берлин, 1923. С. 207.

¹⁴ Там же. С. 246.

ПУЛЕМЕТНЫЕ КОМАНДЫ В СОСТАВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ

Специальный знак пулеметных частей
(носился на погонах)

В условиях гражданской войны традиционные формы организации воинских частей, принципы их комплектования, тактика действий, утвердившиеся в Российской Императорской Армии с начала XX века, существенно изменились. Далеко не всегда оправдывал

себя и опыт Великой войны (в первую очередь из-за отсутствия позиционной стабильности фронта). Одним из наиболее показательных примеров подобной эволюции может служить использование пулеметов.

Обширные степные пространства Юга России требовали применения активных маневренных действий, стремительных и одновременно мощных концентрированных ударов различных боевых единиц. Это обусловило необходимость создания крупных кавалерийских соединений, отрядов бронепоездов, бронемашин и танков, способных самостоятельно и при поддержке пехоты осуществлять прорывы фронта, действовать на тыловых коммуникациях противника. В пехотной тактике большую роль стали играть быстрые атаки при достаточно сильной огневой поддержке со стороны средней и легкой артиллерии и особенно пулеметов. Следует отметить, что активное использование скорострельного оружия в гражданской войне в России отражало общемировую тенденцию тактики, проявившуюся позднее и в армиях других государств. Данная тенденция привела к повсеместному господству автоматического оружия, вытеснению одиночного огня.

Боевой опыт 1-го и 2-го Кубанских походов накануне предполагавшегося наступления Воору-

женных Сил Юга России на пространства мало-российских и новороссийских губерний свидетельствовал о большой эффективности массированного пулеметного огня, зачастую решавшего исход сражений. Командиры воинских частей по собственной инициативе увеличивали количество пулеметных расчетов, самостоятельно «оприходовали» захваченные у большевиков пулеметы, произвольно составляя пулеметные отделения и взводы. Вызванную насущной боевой потребностью в увеличении огневой мощи пехоты «самодеятельность» воинских начальников, весьма типичную для Добровольческой армии 1918–1919 гг., следовало ввести в новые организационные рамки, разумеется, насколько это было вообще возможно в тех условиях.

Именно разрешению этого «пулеметного вопроса» был посвящен доклад Генерального Штаба полковника П.Ф.Вотинова от 3 апреля 1919 г. (даты по старому стилю), в котором дается глубоко продуманное, несмотря на краткость, обоснование и изложение необходимости создания ротных, батальонных и полковых пулеметных команд. Определены практически все организационные проблемы данных подразделений — от штатной численности и особенностей боевой тактики до возможности введения отличительных знаков для будущих чинов команд. Доклад, обнаруженный в бумагах Военно-Организационного отдела Военного Управления¹, на наш взгляд, имеет смысл привести здесь целиком.

«В настоящее время штатное число пулеметов **в пехоте** — 12 на полк и 4 — на отдельный батальон и **в коннице** — 4 на полк. Такое число далеко недостаточно, и полки в действительности пулеметов имеют значительно большее количество, путем не сдачи отбитых у противника пулеметов в артиллерийские склады. При этом в полках накапливаются пулеметы разных систем, кои не всегда бывают как следует используемы. Конечно, такое явление не нормально.

Условия современного боя, особенно боя гражданской войны, настоятельно требуют скорейшего разрешения "пулеметного вопроса" и приведения количества используемых в частях пулеметов в нормальные рамки.

В настоящее время мы имеем на вооружении пулеметы, отбитые от большевиков ("Максим", "Кольт") и полученные от англичан ("Виккерс", "Льюис").

Свойства перечисленных систем известны; они сводятся вкратце к следующему: **по силе огня** первое место занимают "Максим" и "Виккерс", а затем "Кольт" и "Льюис"; **по легкости перевозки**: ездяще-вьючными являются "Максим" и "Виккерс", вьючными — "Кольт" и "Льюис" и, кроме того, последняя система может легко переноситься на руках; **в снабжении патронами** — "Максим" и "Кольт" стреляют нашими патронами и этим несколько усложняют вопрос их патронного снабжения, ввиду недостатка собственного производства на территориях, занятых ВСЮР.

Перевозка и боевое использование пулеметов, равно как и патронов к ним, в настоящее время в специальных пулеметных двуколках не представляются возможным вследствие большого недостатка в этих двуколках; однако данный вопрос сравнительно легко разрешается применением хозяйственной парной двуколки, специально оборудованной для этого; самое подобное оборудование крайне примитивно (подставка для пулемета) и больших расходов от казны не потребует. Подобная двуколка, имея полезный груз до 30 пудов, может перевозить до 17 тыс. патронов, или пулемет с запасными и другими частями и до 5 тыс. патронов к нему. Для подобной перевозки и боевого применения представляется полезным использовать опыт оборудованных хозяйственных двуколок в немецких колониях, оправданный и с точки зрения быстроты перевозки, и легкости обращения.

Недостатки существующих ныне пулеметных штатов были названы в начале доклада (малочисленность пулеметов); штаты установленной новой нормальной организации армии имеют в отношении пулеметов также недостатки, а именно: комиссия имела в виду только одну систему "Максим", снабженную всем необходимым до специальных пулеметных и патронных двуколок включительно, не учитывая при этом существования в частях других систем, наилучших способов их использования и острого недостатка специально оборудованных двуколок.

Указанные недостатки штатов полагал бы необходимым изменить, положив в основу использование **силы огня и подвижности** систем, а также **использование всех имеющихся у нас систем**; причем в пехотном полку полагал бы иметь 2–3 системы, что дало бы возможность при захвате у противника пулеметов последние немедленно пустить в дело, имея специалистов из полковых пулеметных номеров и офицеров.

Поэтому полагал бы на вооружении пехотного полка иметь пулеметы следующих систем:

1) Ротные пулеметные взводы (пятые): каждый из двух пулеметов "Льюиса" (1 офицер, 22 солдата, 2 лошади, 1 двуколка).

При походном движении пулеметный взвод (1 офицер и 19 солдат) следует за четвертым взводом роты, а парная двуколка с 2-мя пулеметами, запасными частями, 8.136 патронами при одном ездовом и двух номерах следует в десяти шагах за роту.

При небольших переходах или с переходом в боевой порядок пулеметный взвод (1 офицер и 19 солдат), разобрав из двуколок пулеметы и ящики с патронами (5.760 патронов) или следует за четвертым взводом роты, или принимает строй и движется по указанию ротного командира; пулеметная двуколка с 2.376 патронами или следует в 10 шагах за роту, или занимает положение по указанию ротного командира.

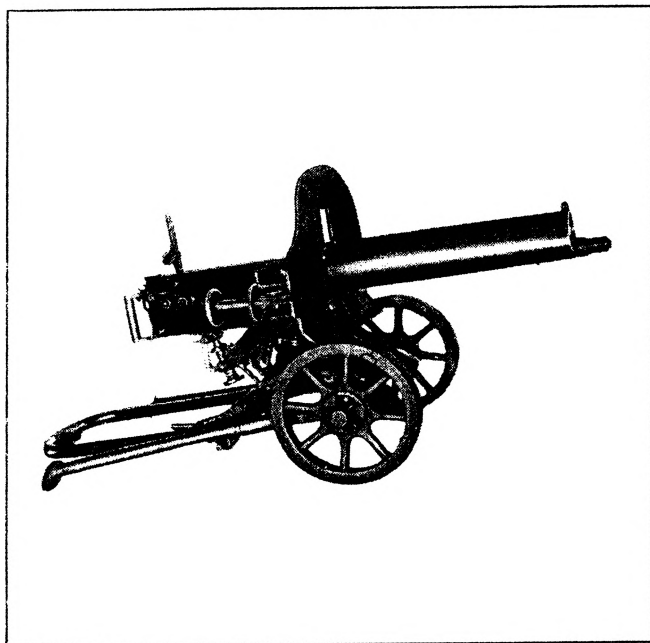
Пополнение двуколок патронами происходит из двуколок пулеметного резерва.

2) Батальонные пулеметные команды вьючные, каждая из 4-х пулеметов "Кольта" или "Виккерса": состав команды [—] 3 офицера, 57 солдат, 22 лошади и 2 парные двуколки.

«Пулеметный отряд 7-ой [пехотной] дивизии, отразивший нападение бронепоезда». Район Царицына (?), лето 1919.
Из фондов РГА КФД

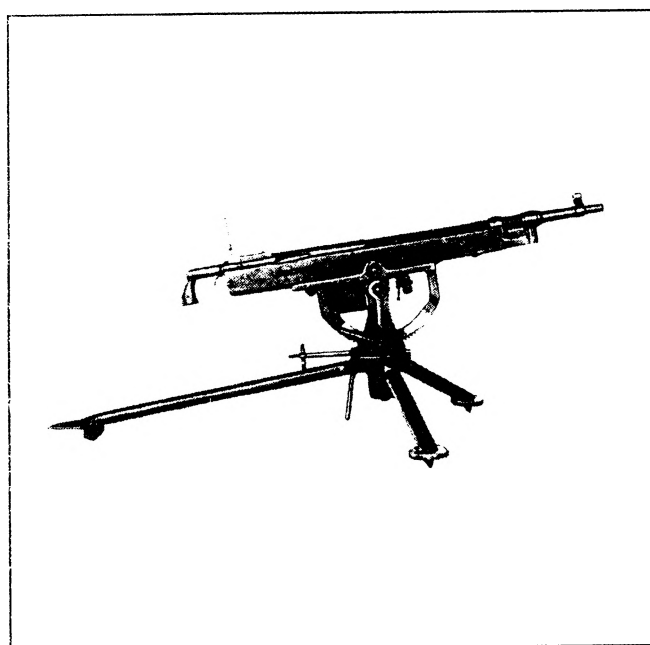
Пулеметы, бывшие на вооружении ВСЮР

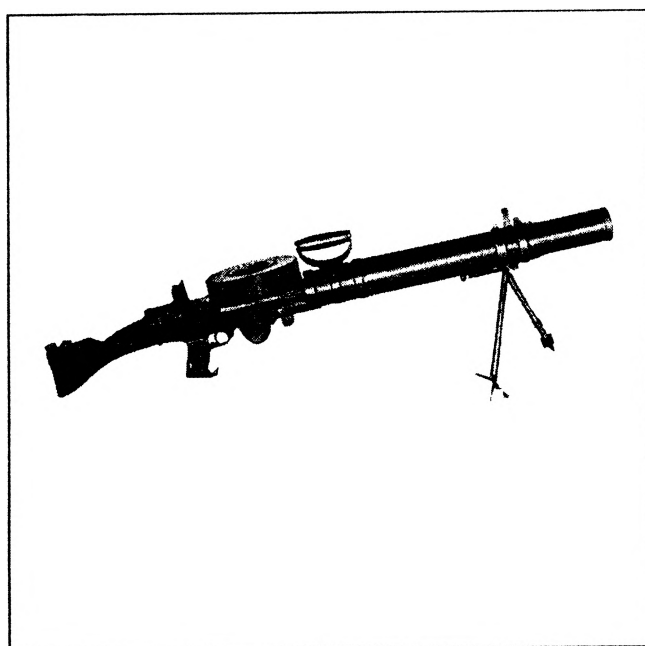
«Максим»

«Виккерс»

«Кольт»

«Льюис»

В резервном порядке и при походном движении пулеметная команда останавливается в 20 шагах позади батальона, в порядке для движения и в таком строю, чтобы фронт ее по длине не превышал фронт колонны батальона. Двухолки ставятся с патронными батальонными двухолками в 10 шагах позади пулеметной команды в одну линию или в колонне, на интервалах в 6 шагов и на дистанцию 3 шага между двухолками.

Пополнение патронами производится из двухолок полкового резерва.

3) Полковая пулеметная команда (ездяще-вьючная). Из 12 пулеметов “Максима” или “Виккерса”; состав команды [—] 7 офицеров, 178 солдат, 84 лошади, 12 пулеметных двухолок, 12 пулеметных патронных двухолок.

В резервном порядке и при походном движении команда с ее патронными двухолками останавливаются в 20 шагах за серединою полка, в порядке для движения или в развернутом строю в тесных интервалах.

4) Полковой патронный пулеметный резерв образуется с переходом в боевой порядок полка выделением из полковой пулеметной команды 12-ти патронных двухолок, перевозящих 170.400 патронов, из коих: в 6 двухолках — 84.000 для 24-х ротных пулеметов, в 3 двухолках 43.200 для 12-ти батальонных пулеметов и в 3 двухолках — 43.200 патронов для 12-ти пулеметов полковой команды. Наличие патронного резерва особенно необходимо, так как при больших переходах и значительной огневой напряженности боя снабжение патронами должно быть постоянным.

На каждый пулемет при проектируемой организации приходится патронов: для ротных (“Льюис”) — 7.568, для батальонных (“Кольт”) — 10.100 и для полковой команды (“Максим”) — 8.600 патронов, не считая 4.500 патронов, возимых на каждый пулемет в артиллерийском парке, согласно новой нормальной организации армии.

5) Подчиненность. **Ротный пулеметный взвод** в строевом, хозяйственном и боевом отношениях всецело подчинен командиру роты, а в техническом отношении — командиру полковой пулеметной команды; незначительная починка пулеметов должна выполняться слесарем батальонной пулеметной команды. **Батальонная пулеметная команда**, находясь всецело в распоряжении командира батальона, на довольствии состоит при одной из рот батальона. Начальник команды в техническом отношении подчиняется командиру полковой пулеметной команды. **Полковая пулеметная команда**, имея свое хозяйство, в строевом и хозяйственном отношении подчиняется штаб-офицеру,

наблюдающему за командами, а в боевом отношении — непосредственно командиру полка. Начальник команды следит за исправным состоянием пулеметов, состоящих в ротах и батальонах полка, и руководит занятиями во время специальных пулеметных сборов, проведение коих необходимо не реже 1 раза в месяц. **Полковой патронный пулеметный резерв** — находясь непосредственно в ведении помощника капитанармуса полковой пулеметной команды, подчиняется командиру обоза 1-го разряда; последний обязан следить за своевременным пополнением двухолок патронами из артиллерийского парка.

Выводы. Таким образом, проектируемая организация снабжения пулеметами пехоты достигает: 1) сохранения гибкости строевого порядка; 2) большей подвижности передвижения и своевременного маневра, особенно рот, снабженных пулеметами “Льюиса”; 3) развития большого огня, причем пулеметы “Льюиса” являются для артиллерии противника практически полностью неуязвимыми вследствие своей портативности и малого числа лиц, обслуживающих непосредственно пулемет (1-2); 4) непрерывности питания патронами из полкового резерва; правда, введение английской пули в системах “Виккерса” и “Льюиса” несколько усложняет питание.

Очевидно, можно было бы в дополнение к существующим эмблемам пулеметных номеров ввести специальные значки, по типу батальонных и полковых, для обозначения расположения соответствующих пулеметных команд, а также возможно введение форменных отличий.

Исходя из вышеизложенного, полагал бы желательным своевременное утверждение предложенных штатов пулеметных команд.

В случае принятия этих штатов желательно немедленное введение их в состав пехотного полка, как новой нормальной организации армии, так и особенно в ныне существующий временный штат пехотного полка. Одновременно с этим можно будет приступить к подготовке строевого устава пулеметных команд, внеся соответствующие, в духе данного доклада, изменения в утвержденный Главнокомандующим Строевой Пехотный Устав.

3 апреля 1919 г.

Генерального Штаба
Полковник *Вотин*»

Не анализируя доклада в целом, хотелось бы остановиться на некоторых, наиболее примечательных его положениях.

Как справедливо отмечает полковник Вотин, штатное число пулеметов в составе полка

Занятия с пулеметами в пулеметной команде 2-го батальона 1-го Офицерского Генерала Маркова полка. Кочера, лето 1919. Из фондов РГА КФД

было, в условиях гражданской войны, требовавшей мощной огневой поддержки пехоты, совершенно недостаточным. В соответствии с «новой, нормальной организацией армии» (штатная численность боевых единиц от роты, эскадрона, батареи до армии была определена Военным Управлением в январе — апреле 1919 г.) количество пулеметов заметно увеличивалось (с 12 до 48 на полк). Тем не менее, Вотинов указывает на недостаток новых штатов — предполагаемое применение в командах только пулемета «Максим». Подобное единообразие, вполне понятное с точки зрения традиционных подходов к организации боевых структур, неприемлемо в условиях гражданской войны, когда каждый полк довольствуется теми системами, которые есть в наличии, слабо надеясь на получение требуемых пулеметов со складов. В докладе предлагается лишь систематизировать имеющиеся пулеметы, разделив их по ротным, батальонным и полковым командам, прежде всего с точки зрения удобства их перевозки и эффективности применения в бою.

Далее в докладе говорится об особенностях транспортировки пулеметов и патронов к ним. И снова перед нами наглядный пример введения военной импровизации в рамки новых организа-

ционных форм. Ощущается «большой недостаток» в специальных пулеметных и патронных двуколках. Выход дает сама жизнь: следует переоборудовать обычные парные двуколки — типичные мирные экипажи довоенных станиц, сел и городов Юга России. И вот пулеметные команды получают быстроходные, легкие и удобные в управлении «тачанки», ставшие затем своеобразным символом гражданской войны на Юге. Утвердилось мнение, что «тачанки» якобы обязаны своим появлением «гениальным» вождям 1-ой Конной Армии — С.М.Буденному и К.Е.Ворошилову, впервые применившим их в массовом порядке в сражении под ст. Егорлыкской в феврале 1920 г. (!)². В действительности, говорить о какой-либо изобретательности, «оригинальности» красных командиров в данном случае не приходится. Доброволец Белой Армии Н.В.Волков-Муромцев, поступивший в ряды ВСЮР летом 1919 г. и впервые увидевший белые тачанки в середине июля, вскоре после взятия Полтавы, вспоминал позднее: «... Я увидел наше самое удачное оружие — “тачанку”, у большевиков их не было еще год.

Тачанка — рессорная коляска южной России, обыкновенно запрягалась двумя лошадьми в дышло, но белые прицепили еще двух пристяжных.

так что стала четверка. В спинке заднего сиденья был вырезан полукруг, через который торчало дуло Максимки, а колеса его стояли на сиденьи»³. Далее, оценивая состояние РККА к началу 1920 г. (т.е. перед сражением под Егорлыкской), Волков-Муромцев отмечает: «Они переняли у нас идею тачанок, и поэтому у них теперь с частями были быстро движущиеся пулеметные команды»⁴. Вообще же снаряженные патронные и пулеметные двуколки активно применялись уже в 1918–1919 гг. и в армии Н.И.Махно, который, в свою очередь, позаимствовал их у немцев-колонистов, организовывавших отряды самообороны, на вооружении которых и состояли «тачанки» еще летом — осенью 1918 г.⁵ Именно их имеет в виду в своем докладе полковник Вотинов. Можно оспаривать авторство введения «тачанок», однако очевидно, что их появление было закономерным, и вызвано оно было особенностями ведения боевых операций на просторах южнорусских степей.

Можно заметить, что использование подвод непосредственно в боевых действиях вообще достаточно широко практиковалось на протяжении 1918–1920 гг. Быстрое перемещение войск, своевременная доставка резервов и боеприпасов, эвакуация раненых — все это требовало применения крестьянских телег, подвод, парных двуколок, пролеток и даже, нередко, более «аристократических» экипажей — ландо, фаэтонов, карет. А в белой Таврии во время операций летом — осенью 1920 г. использовались автомобильные пулеметные команды (автомобили «Форд-Т», грузовики, частично бронированные или не бронированные вовсе, вооруженные одним или несколькими пулеметами)⁶.

Примечательно, что генерал от кавалерии А.М.Драгомиров в своем докладе о необходимости введения в армии пулеметных команд разных типов, направленном начальнику Военного Управления 19 апреля 1919 г.⁷, кратко повторяя основные положения доклада Вотинова, еще большее внимание уделяет штатной численности предполагаемых пулеметных команд: несколько увеличивается число воинских чинов и боеприпасов.

Безусловно, введение пулеметных команд стало эффективным способом усиления пехоты ВСЮР. Отметим, что важность применения пулеметов подчеркивалась и в докладе организационной комиссии Военного Управления о «новой, нормальной организации армии» еще в январе 1919 г. В частности, об этом говорилось в связи с созданием отдельного армейского запасного пулеметного батальона «4-х ротного состава, для подготовки

пулеметчиков, офицеров и солдат в армии. Мера эта является крайне необходимой, ввиду значительного количества пулеметов в армии (более 2.000 пулеметов) и большого процента потерь»⁸. Эта мера была воплощена в жизнь приказом Главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта А.И.Деникина от 18 июня 1919 г. за № 1268: «Распоряжением Инспектора Формирования вооруженных сил на Юге России сформировать запасный пулеметный батальон». Далее в приказе раскрывались задачи этого формирования: «На запасный пулеметный батальон возложить обязанность: а) готовить пулеметчиков офицеров и солдат, как для пополнения убыли в пулеметных командах действующих частей, так и для вновь формируемых пулеметных команд, б) формировать пулеметные команды для вновь формируемых частей в тех случаях, когда формирование команд будет признано более удобным произвести при запасном пулеметном батальоне (а не при самой новообразованной части. — В.Ц.) и в) готовить инструкторов офицеров и унтер-офицеров для распространения в войсках точных знаний пулеметного дела во всем его объеме и однообразного взгляда на применение пулеметов в бою». Командир запасного пулеметного батальона был этим приказом подчинен непосредственно начальнику запасных частей⁹.

Создаваемые пулеметные команды, как правило, комплектовались рядовыми и унтер-офицерами, имевшими опыт обращения с пулеметом со времени Великой войны. Вторыми номерами становились новобранцы, нередко добровольцы — бывшие учащиеся, молодежь. В боевой работе вторые номера обучались технике обращения с пулеметом, таким образом происходила подготовка новых кадров пулеметчиков¹⁰. Солдаты-пулеметчики

Набивка пулеметных лент. Добровольческая Армия, лето 1919. Из фондов РГА КФД

Пулеметчики Добровольческой Армии во время «похода на Москву». Фотография 1-го Конного Генерала Алексева полка корнета Ляевича. Лето — осень 1919

находились на особом, более привилегированном положении в сравнении с остальными бойцами пехотных полков, ведь от них зачастую зависел успех боя и количество потерь пехотинцев. Как показывала практика гражданской войны, пулеметные команды отличались высокой дисциплиной и надежностью (солдат-пулеметчик — грамотный, умелый, понимает цель и смысл войны, действует со-

знательно); так же, как и команды связи, они считались основой, ядром полка, — наравне даже с офицерскими ротами¹¹. Героизм чинов пулеметных команд в сочетании с правильной организацией этих подразделений приводили к неоднократным боевым успехам пехоты Добровольческой армии как во время «похода на Москву», так и в течение других этапов Белой борьбы на Юге России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 103. Лл. 49–51.

² Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд., т. 15, 1952. С. 467.

³ Волков-Муромцев Н.В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). Paris, 1983. С. 291.

⁴ Там же. С. 363.

⁵ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34. Л. 56; Терский А. Батько Махно // Вестник первопоходника. № 92, июнь — июль 1970. С. 9.

⁶ Пухальский Ф.В. Разгром Сводного Конного корпуса тов. Жлобы в Северной Таврии 20 июня 1920 г. // Первопо-

ходник. № 6, апрель 1972. С. 52–53; Орлов. Последние бои Дроздовцев // Вестник Галлиполийцев. София. 15 апреля 1937. № 46. С. 30.

⁷ ГАРФ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 103. Лл. 64–67.

⁸ Там же. Лл. 100 и об.

⁹ РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 133. Л. 12.

¹⁰ Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. Кн. II. Париж, 1964. С. 155; Голос народа. Ростов на Дону, № 9. С. 5.

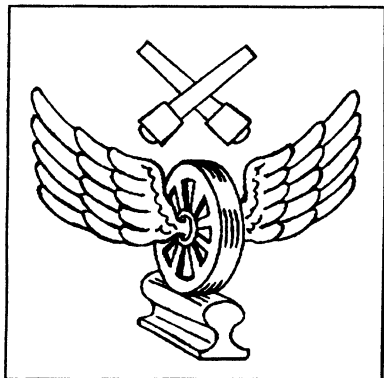
¹¹ ГАРФ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 34 а. Лл. 99 и об.; Корниловский ударный полк. Париж, 1974. С. 266.

БРОНЕПОЕЗД «ДОБРОВОЛЕЦ».

БОЙ ПОД ФАСТОВОМ 12 НОЯБРЯ 1919 ГОДА

С полной самоотверженностью, невзирая на нахождение перед собою во много раз превосходящих числом и технически хорошо оборудованных бронепоездов красных, — наши молодые бронепоезда вступали в неравные бои и почти всегда выходили победителями.

*Генерал-лейтенант М.Н.Промтов
(из приказа по 2-му Армейскому Корпусу) ¹*

Эмблема бронепоездов
Добровольческой Армии

В середине ноября 1919 года (даты по старому стилю) на главном — Московском направлении войска Вооруженных Сил на Юге России с ожесточенными боями откатывались назад. Военный успех отныне безраздельно перешел в руки противника.

Но левый фланг Белой Армии сохранял относительную устойчивость, хотя и здесь — на обоих берегах Днепра и в Новороссии — положение белых нельзя было назвать достаточно прочным.

Рейд Махно по тылам ВСЮР был лишь наиболее наглядным симптомом той болезни, против которой были бессильны и доблесть белых полков, и таланты военачальников. В тылу сражавшейся Армии не было Власти. Не было и самого тыла в его военном понимании. За спиной войск лежала пройденная, но совершенно не контролируемая (за исключением городов и железнодорожных линий) территория с населением, озлобленным не только бесчинствами войск, чье «самоснабжение» было в значительной степени вызвано все той же неналаженностью тыла, но и полным отсутствием какого-либо порядка. В силу ряда обстоятельств, население оказалось отдаленным на произвол любого случайного бандита, что в корне подорвало надежды крестьян (да и горожан) на «твердый порядок». Командир 2-го Армейского Корпуса генерал-лейтенант Промтов в телеграмме на имя Командующего Добрармией от 17 сентября, сообщая, что своими силами унич-

тожить банды не может, даже запрашивал разрешения на вооружение крестьянских отрядов самообороны в связи с жалобами крестьян на набеги банд Коцюры из Чигиринских лесов ². Правда, не совсем ясно, — верил ли на самом деле генерал Промтов в эффективность подобного, весьма сомнительного, мероприятия или просто стремился таким способом привлечь внимание вышестоящих штабов к бедственному положению своего тыла.

В этом отношении положение на Правобережной Украине было, возможно, хуже, чем где-либо. Пострадавшее от целого ряда сменявших друг друга «атаманских» властей и порядком разваленное ими, с пораженной «самостийностью» сельской интеллигенцией (успех петлюровским и красным агитаторам облегчало отсутствие правительственной Белой пропаганды) и огромными запасами всяческого оружия, крестьянство здесь оказалось благодатной почвой для целого ряда больших и малых восстаний, ядром которых служили различные банды, и в первую очередь — недобитые остатки красных и «украинских» войск, рассеянные во множестве по селам и местечкам, скрывающиеся в лесах ³.

Командованию Войск Киевской Области постоянно приходилось отвлекать с фронта войсковые части на борьбу с бандами, терроризирующими тыл. Для этих целей особенно успешно использовались бронепоезда. Они патрулировали железнодорожные линии, несли охрану мостов и узловых станций и непосредственно сражались с нападавшими на них отрядами. Для подобных действий даже создавались специальные железнодорожные отряды, в состав которых включались специально сформированные блиндированные поезда ⁴ с одной-двумя боевыми площадками и установленными на них орудиями и пулеметами ⁵.

Столь ненадежный тыл, естественно, не способствовал устойчивости внешнего фронта. При-

крыть громадную территорию незначительным количеством войск оказалось несравненно труднее, чем захватить ее. Не вдаваясь в подробности боев под Киевом и Черниговом в сентябре — ноябре 1919 года и, тем более, в критику действий белого командования, отметим лишь, что компактные ударные колонны белых войск генерал-лейтенанта Н.Э.Бредова разошлись в разных направлениях и позволили втянуть себя в бесконечные изматывающие бои без надежды на решительный успех.

Даже пополнения, полученные в таком крупном центре, как Киев, не могли существенно увеличить численного состава Войск Киевской Области, боевые части которых таяли в непрерывных оборонительных и наступательных схватках. С недостатком личного состава сталкивались и все новые формирования, а частей, которые все-таки удалось развернуть, никак не могло хватить для создания сплошного устойчивого фронта.

Силы же 12-й Армии красных, сумевших, благодаря благожелательной пассивности польских войск, сохранить в своих руках «Корсунский выступ» к западу от Киева, непрерывно возрастали. Выйдя из-под удара наступающего противника, их многочисленные части и соединения постепенно приводились в порядок, пополнялись путем широких мобилизаций и вновь направлялись на фронт. Кроме того, советское командование могло игнорировать не только поляков, но и петлюровцев (силы которых были скованы боями с Белой Армией), и усилить «Киевский фронт» войсками, сражавшимися ранее против «украинцев». Ожесточенные бои шли и к северу от Киева — на реке Остер и под Черниговом.

Не имея возможности одним решительным наступлением покончить с нависшей угрозой, белые применяли тактику «коротких ударов» — отходили под натиском превосходящих сил противника, чтобы вслед за тем перейти в неожиданную контр-атаку, нанося удары по флангам и в тыл большевиков. Но перевес красных, постепенно возрастая, делал подобную тактику все менее и менее успешной, свидетельством чему могут служить трехдневные бои в самом Киеве, куда советские войска ворвались в последних числах сентября, а также то обстоятельство, что белым так и не удалось отбросить их далее, чем за реку Ирпень. На севере, несмотря на большие потери, действия белых войск были более успешны, но к концу октября обстановка ухудшилась и там.

Таково, в общих чертах, было положение дел в Киевской Области, где суждено было сражаться

и стяжать воинскую славу легкому бронепоезду «Доброволец», чей боевой путь довольно хорошо известен по работе подпоручика А.А.Власова «Бронепоезда Добровольческой Армии». (Несмотря на многочисленные «белые пятна» и неточности, объяснимые тем, что Андрей Алексеевич писал «Бронепоезда...» по воспоминаниям соратников уже в послевоенные годы, это до сих пор не только важнейший, но и единственный обобщающий труд по истории бронепоездных частей Добрармии). Именно отсюда, с небольшими исключениями, и заимствованы приводимые ниже сведения о «Добровольце»⁶.

Бронепоезд «Доброволец» был сформирован первоначально как «Бронепоезд № 2, 3-й Кубанской Железнодорожной сотни» при 3-м Конном Корпусе в Екатеринославе, в самом начале июля 1919 года. В его состав тогда поступила одна бронеплощадка, состоящая «из бронекабинки с 4-мя пулеметными гнездами и впереди кабинки — на тумбе вращающегося 3-дюймового орудия». (К сожалению, неизвестно, была ли эта бронеплощадка трофейной, или ее соорудили на заводе Южно-Русского металлургического Общества). Начиная с июля, бронепоезд нес разведывательную службу, участвовал в боях против красных и махновцев у Екатеринослава и по правому берегу Днепра. В середине июля он был переименован в «Генерал Гейман» (по имени командира 2-й Кубанской Пластунской бригады) и впервые под этим именем упомянут в качестве «приспособленного бронепоезда из захваченных» в «Боевом составе ВСЮР» на 5 августа 1919 года⁷. В середине августа группа бронепоездов 3-го Конного Корпуса передается 2-му Армейскому Корпусу генерала Промтова, который своим приказом Инспектору Артиллерии Корпуса генерал-майору Бодиско дает указание сформировать из них бронедивизион под командованием полковника Буркова. В состав этого нештатного Бронподива вошел и «Генерал Гейман»⁸. Бронепоезд был, как и другие, «приписан» этим приказом к 5-й Пехотной дивизии, совместно с которой он и вел боевые операции в августе — сентябре 1919 года. Несколько позже он был передан в подчинение генерал-майора Я.А.Слацова. В начале сентября бронепоезд дополнили еще двумя бронеплощадками «однотипными с имевшейся», с двумя 3-дюймовыми орудиями во вращающихся полубашнях. В том же сентябре он участвует в боях с петлюровскими бронепоездами «Хортица» и «Сын Вольной Украины».

2-го октября на ремонтирующийся в Кременчуге «Генерал Гейман» был назначен командиром

капитан Разумов-Петропавловский (встречается также написание «Разумо-Петропавловский»), уже широко известный своими боевыми подвигами, совершенными на одном из старейших белых «броневиков» — легком бронепоезде «Офицер». Именно под его командой «Офицер», имея в своем составе всего 2 бронеплощадки с единственным орудием, 30 марта 1919 года у станции Волынцево разбил и захватил, как тогда говорили, «на фаркоп» «2-й Сибирский Броневоной Поезд» красных, имевший в своем составе 4 бронеплощадки с 4-мя орудиями и 18-ю пулеметами. При этом «Офицер» не понес никаких потерь. К Разумову-Петропавловскому вполне могут быть отнесены слова подпоручика Власова: «...Успех или неуспех бронепоезда в еще большей степени, чем во всякой другой воинской части, зависел от искусства, решительности и доблести его командира», — и это же подтверждается его дальнейшей службой на бронепоезде, получившем новое название — «Доброволец».

По-видимому, переименование произошло во время ремонта или вскоре после него: еще 10 октября бронепоезд упоминается в документах 2-го Армейского Корпуса как «Генерал Гейман»⁹, а в «Боевом составе ВСЮР» так и остается «приспособленным бронепоездом» под этим именем вплоть до 5 ноября¹⁰, хотя название «Доброволец» появляется уже 30 сентября, в приказе Главкома ВСЮР о сформировании 8-го Бронподива¹¹. Неясно, продолжали ли именовать его так «по инерции», или новое название прижилось не сразу, как «спущенное сверху».

В начале ноября, когда «Доброволец» после ремонта был направлен в Киев, обстановка приобрела для белых трагический оборот. Разочаровавшись в попытках захватить Киев лобовым ударом, что приводило к огромным потерям, красное командование решило попытаться достигнуть успеха путем маневра. Подобное решение напрашивалось хотя бы потому, что боевые порядки белых войск не создавали сплошной линии фронта, ограничиваясь на второстепенных участках (в стороне от железных и шоссейных дорог) сторожевыми заставами и разъездами. Белые просто физически не были способны собрать достаточные силы на каждом угрожаемом участке.

В пользу маневра советских войск говорил и тот факт, что в тылу белых не было (опять же по причине катастрофической нехватки войск) ни оперативных резервов, ни сильных гарнизонов, а тыловые коммуникации, как уже указано выше, были истерзаны бандами и надежной опоры обороняющимся дать не могли.

Капитан Разумов-Петропавловский. Рис. Т.Саркисяна.
Тихорецкая, 24 апреля 1919 г.

Наступая на юг — в направлении на Бердичев, красные, кроме того, встречали на своем пути не относительно стойкие полки Белой Армии, а уже разбитые ею и выкашиваемые тифом остатки петлюровских войск, воевать с которыми было не в пример легче. С разгромом их красноармейские части обходили белых с фланга и врвались в их тыл. В то же время атаки не прекращались и по кратчайшим направлениям к Киеву — с севера и, особенно, с запада. 22 октября после тяжелых боев белыми был оставлен Чернигов. За четыре дня до этого, 18 октября, 1-я бригада 58-й Стрелковой дивизии красных захватила г. Фастов, перерезав таким образом железную дорогу, связывающую Киев с Новороссией¹². С 7 ноября «Доброволец», двигаясь к Киеву с юга, вступает в бой с прорвавшейся группой красных. В этот день им был захвачен вспомогательный поезд большевиков. 9-го ноября «Доброволец» прибывает в Казатин со штабом и войсками генерал-майора П.С.Оссовского и идет на разведку к станции Бердичев с десантом от Симферопольского Офицерского полка. 10-го — «снимает»

заставу красных у въезда в город и преследует их бронепоезд «Лейтенант Шмидт» по дороге на Ровно. В оперативной сводке на 11 ноября сообщается, что «Доброволец» «ворвался на ст[анцию] Бердичев, уничтожил эшелоны 86-го Советского п[ол]ка и начальника снабжений 12 советской армии, захватив 8 пулеметов и замки от 2 орудий. Эшелон 86 полка разбит в щепки. Бой шел в упор, причем офицеры расстреляли все револьверные патроны. В Бердичеве на вокзале осталось около 300 трупов большевиков»¹³. Наконец, 12 ноября «Доброволец» вступает в бой с бронепоездами красных у Фастова, донесение о чем капитана Разумова-Петропавловского сохранилось в архивном фонде штаба 2-го Армейского Корпуса¹⁴:

«Получив задачу помочь Фастовскому отряду, выступил в 5 часов утра 12 ноября. Прошел беспрепятственно до ст[анции] Попельня. За ст[анцией] на 63 версте исправил взорванный путь. Бронепоезд встретил сторожевое охранение противника и далее, перед ст[анцией] Кожанка, 3 неприятельских бронепоезда[:]: “Партизан”, “Великий Луг”, “Злочив”. Бронепоезда открыли интенсивный огонь, старались задерживать продвижение “Добровольца”. Одним из первых снарядов моего бронепоезда был подбит головной бронепоезд противника “Великий Луг”. Следующими попаданиями был подожжен эшелон штаба отряда, после чего у противника началась паника. Учитывая положение, бронепоезд [“Доброволец”], несмотря на повреждения пути, ворвался на ст[анцию] Кожанка, где открыл интенсивный огонь по разбежавшемуся противнику и с боем захватил бронепоезд “Великий Луг” в составе одного паровоза и 2-х приспособленных платформ, вооруженных 2-мя орудиями 1902 года при 6 пулеметах. Здесь же на ст[анции] был захвачен пытавшийся уходить эшелон противника. Обеспечив станцию захваченным бронепоездом, броневик “Доброволец” стал преследовать отходившие на Фастов 2 бронепоезда противника [и] один эшелон, не давая возможности задерживаться, держа[ть] нас все время под своим огнем. Загнав их до разобранного пути, что в 6 верстах от Фастова, вступил с бронепоездами в решительный [бой], ввиду чего первый бронепоезд, стоявший ближе [к] “Добровольцу”, был быстро выведен из строя несколькими прямыми попаданиями. Второй бронепоезд, несмотря [на] повреждения пути, держался [около] 2-х часов. Команда его, под огнем моего бронепоезда, несколько раз оставляла бронепоезд и вновь возвращалась на бронепоезд.

И, очевидно, будучи тесним со стороны Фастова, после того, как второй бронепоезд противника замолчал, противник, видя свое безвыходное положение, для того, чтобы выиграть время для ликвидации бронепоездов, пустил на “Добровольца” брандером имеющийся впереди эшелон с паровозом, численностью около 60 вагонов. Заметив этот маневр, я вывел свой бронепоезд на подъем со стороны противника, а когда на подъеме брандер немного задержался, на тормозные вагоны вскочили несколько человек команды и затормозили брандер, прицепили его к бронепоезду. Благодаря этой большой прицепке, позднему времени, бронепоезд не имел возможности [захватить] подбитые оставленные противником бронепоезда. К тому же, в это время “Доброволец” был обстрелян со стороны Фастова очевидно не разобравшимися в обстановке бронепоездами Фастовского отряда, которые, по моему расчету, должны были вывезти бронепоезда, подбитые “Добровольцем”.

Вывезя на ст[анцию] Кожанка эшелон, пущенный брандером, сделал маневры и, снабдив захваченные [у] красных 2 паровоза топливом и водой, брон[епоезд] “Доброволец” [в] 23 ч[аса] 12/ХІ, после 10-часового непрерывного боя, отошел на ст[анцию] Попельня, вывезя все до одного вагоны, отбитые у противника. На ст[анции] Попельня, ввиду полного отсутствия топлива на всех паровозах, должен был заночевать.

За день боя бронепоездом “Доброволец” было захвачено: один бронепоезд [с] 2 орудиями [и] 6 пулеметами, 2 исправных паровоза, 1 наземное орудие, 1 лафет, 2 зарядных ящика, 6 наземных пулеметов, 100 с лишним винтовок, несколько походных кухонь, обозы с упряжью, несколько лошадей, более 1000 снарядов, более миллиона ружейных патронов, канцелярия штаба отряда. База бронепоездов сгорела. Захвачено 6 классных вагонов, сто с лишним товарных. 32 вагона оставлено мною на ст[анции] Попельня, ввиду невозможности вывезти, и 20 вагонов на ст[анции] Бровки. [В] составах противника захвачено много телеграфных и телефонных аппаратов, части[ю] которых снабдил ст[анции] Кожанка, Попельня, Бровки и приказал восстановить связь [к] 14 ноября. Имеющиеся значительные документы, захваченные у противника, будут представлены дополнительно. В эшелонах противника при оставлении сожжены огромные суммы денег и особенно важные документы. При обратном следовании бронепоезда на ст[анцию] Бровки, бронепоезд встретил старика крестьянина, посланного разбежавшимися красноармейцами с целью узнать:

как поступает «Доброволец» [со] сдающимися и не расстреляют ли их, если они придут сдаваться.

За бой израсходовано 157 снарядов и 8600 пулеметных патронов. Потерь нет. Повреждения бронепоезда незначительны. № 155. Комброн «Доброволец» Капитан *Разумов-Петропавловский*».

Копия этого донесения была передана по телеграфу исполняющим должность начальника штаба 5-й Пехотной дивизии, Генерального Штаба полковником К.З.Ахаткиным в штабы 2-го Армейского Корпуса, Войск Новороссийской и Киевской Областей, других частей и соединений. Комкором 2 на донесении была наложена резолюция: «Капитана Разумова-Петропавловского и его доблестную команду благодарю за энергичную, лихую, богатырскую боевую работу. Представить к наградам достойных», — в свою очередь, сообщенная (14 ноября) в штадив 5 и капитану Разумову-Петропавловскому. Начдив 5 генерал Оссовский объявил ее для сведения войск приказом дивизии № 94 от 18 ноября¹⁵. Такое широкое распространение информации о Фастовском бое объясняется в первую очередь тяжестью для белых обстановки под Киевом в ноябре 1919 года. В условиях непрерывных атак красных войск, наступления холодов (к чему армия, с точки зрения обеспечения, была совершенно не готова), эпидемии тифа и враждебности населения, боевой дух заметно падал. Еще в середине октября Командующий Войсками Киевской Области гене-

рал-от-кавалерии А.М.Драгомиров отмечал, что «...за месяц своего командования не слышал ни об одном лихом предприятии...»¹⁶ И когда 12 ноября «Доброволец» одержал действительно блестящий успех (в тот же день, кстати, белые выбили из Фастова остатки красных войск), командование попыталось поднять дух своих подчиненных столь замечательным примером.

Однако улучшения обстановки не наступало. С 23 ноября отозванный в Киев «Доброволец» несет там охрану железнодорожного моста через Днепр, а далее — отступление, разведывательная и охранная службы, довооружение еще одной бронеплощадкой (с трофейной «Хортицы»). В январе 1920 года он прикрывает, вместе с другими бронепоездами 8-го Бронподива (окончательно сформированного в самом конце октября 1919-го: легкие бронепоезда «Доброволец» и «Генерал Шифнер-Маркевич», тяжелый бронепоезд «Богатырь»¹⁷), отход бывших Войск Киевской Области на линии Помощная — Бирзула и далее Бирзула — Раздельная. И, наконец, разделяет печальную участь практически всех бронесил Киевской и Новороссийской Областей: на подъезде к Тирасполю, в ночь с 29 на 30 января 1920 года «Доброволец» был взорван и покинут командой, которая, согласно приказу генерала Бредова от 1 февраля, была влита в 4-ю Пехотную дивизию (второго формирования)¹⁸, составив, по-видимому, отдельную роту¹⁹. Впереди у них был знаменитый Бредовский поход...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 12, л. 35. В документе — «...превосходящие числом и технически хорошо оборудованные бронепоезда красных...».

² Там же. Д. 6, л. 57.

³ Тревожные, если не панические рапорты комендантов тыловых городов и местечек еще в сентябре — октябре 1919 года как нельзя лучше показывали ненадежность достигнутых успехов. См., например, рапорты коменданта г. Звенигородка полковника Теренина в штаб 2-го Армейского Корпуса от 6 сентября и 18 октября (РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 6, бл. 39-41 и 83-84, соответственно).

⁴ Под «блиндируемыми» понимались поезда, боевые площадки которых были защищены не броней, а какими-либо другими средствами: мешками с песком, деревянным брусом, рельсами и т.д.

⁵ РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 6, л. 57.

⁶ *Власов А.А.* Бронепоезда Добровольческой Армии // Военная Быль. Париж, 1969-1970. №№ 95-115. (Бронепоезд «Доброволец» упоминается в №№ 96-107 и 115).

⁷ РГВА. Ф. 39540, оп. 1, д. 35, л. 41.

⁸ РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 12, л. 42. Приказ по 2-му Армейскому Корпусу № 94/у от 16 августа 1919 года. Кроме «Геймана», в Бронподив вошли бронепоезд «Пластун» (впоследствии — «Генерал Шифнер-Маркевич»), броне-

площадка «Полковник Гусев» и трофейные — бронепоезд «Раскольников» и бронеплощадка «Грозный».

⁹ РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 12, л. 103. Приказ по 2-му Армейскому Корпусу № 151/у от 7 октября 1919 года.

¹⁰ РГВА. Ф. 39540, оп. 1, д. 35, л. 245.

¹¹ РГВА. Ф. 39457, оп. 1, д. 370, л. 74.

¹² Гражданская война на Украине. Сборник документов. Т. II. Киев, 1967, с. 467-468. (Рапорт Начдива 58-й Стрелковой № 15723).

¹³ РГВА. Ф. 39842, оп. 1, д. 17, л. 17.

¹⁴ РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 2, лл. 129-130.

¹⁵ РГВА. Ф. 39680, оп. 1, д. 1, л. 133.

¹⁶ См.: РГВА. Ф. 39694, оп. 1, д. 2, ч. 2, л. 868-872.

¹⁷ Приказ по 2-му Армейскому Корпусу № 171/у от 27 октября 1919 года (РГВА. Ф. 39673, оп. 1, д. 12, л. 129). Тем не менее, и после формирования 8-го Бронподива, «Бронедивизион 3-го Конного Корпуса» еще упоминается в приказах по 2-му Армейскому Корпусу (см., например, приказ № 184/у от 5 ноября — там же, л. 142). Неясно, оставались ли в его составе еще какие-то «броневики», или, что вероятнее, так продолжали «по инерции» называть 8-й Бронподив.

¹⁸ РГВА. Ф. 39676, оп. 1, д. 2, лл. 95-96.

¹⁹ *Штейфон Б.А.* Бредовский поход // Белое Дело. Т. III. Берлин, 1927, с. 97, 102.

ЦЕРКОВЬ И БЕЛАЯ АРМИЯ

Тема взаимоотношений Православной Церкви с военно-государственными структурами, в годы Гражданской войны выступившими против безбожной власти, представляется весьма обширной, и настоящая статья, имея обзорный характер, затрагивает лишь некоторые представляющие, на наш взгляд, наибольший интерес вопросы. К их числу следует отнести: возрождение в Белой армии военного духовенства, традиций и праздников, связанных с Церковью; взаимоотношения Белой армии и церковно-общественных организаций; попытки создания Православных воинских частей и, наконец, поиски нового государственного устройства России.

Старая русская армия, в которой, как и во всей Российской Империи, Православная Церковь имела главенствующее значение, обладала развитой организацией военного духовенства. С Церковью в значительной степени были связаны армейские праздники и традиции. Со сломом старой армии после большевистской революции военное духовенство было ликвидировано, праздники отменены, традиции прерваны.

С организацией Белой армии в различных районах России началась работа по воссозданию военного духовенства. За основу брался опыт старой армии. Даже социалистический Комитет членов Учредительного Собрания (Комуч) не смог обойтись без этого: одним из первых приказов по Главному военному штабу Народной армии Комуча (№ 4 от 20 июля 1918 г.) была учреждена должность священника-проповедника армии¹. Наиболее полно военное духовенство и его учреждения были восстановлены в вооруженных силах Всероссийского правительства адмирала А.В.Колчака и в вооруженных силах Юга России генерал-лейтенанта А.И.Деникина.

С созданием осенью 1918 г. Временного Всероссийского правительства и его вооруженных сил, объединивших Белые войска в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 56 от 28 декабря 1918 г. «для обслуживания духовных потребностей в войсках армии и флота, для поднятия в них религиозно-нравственного состояния и развития в защитниках Родины чувства патриотизма и преданности долгу» вводились должности главного священника армии и флота (им стал протоиерей Александр Касат-

кин), священников фронтов, армий, госпиталей и лазаретов². При штабе Главкома вооруженных сил Юга России генерала Деникина было образовано аналогичное военно-церковное ведомство, которое возглавил бывший протопресвитер военного и морского духовенства старой армии о. Георгий Шавельский.

Права и обязанности военного духовенства определялись специальными разделами «Положения о полевом управлении войск в военное время» 1914 г. Первейшей задачей являлось восстановление нормальной духовной жизни в армии, нарушенной после революции. При этом, как отмечалось на съезде духовенства одной из дивизий Сибирской армии, «пастырское служение в полку не должно быть только формальным исполнением духовных треб, а должно быть живым творческим делом»³.

От военного духовенства требовалось неукоснительное совершение богослужений в полковых церквях во все воскресные и праздничные дни, а также в дни полковых и ротных праздников. При этом они должны были сопровождаться «краткими, но сильными» проповедями священника. На военных священников возлагалось также совершение треб, устройство регулярных религиозно-нравственных бесед в каждой роте, организация христианско-просветительских кружков, школ для неграмотных солдат.

Особое внимание уделялось возрождению традиционных праздников русской армии, которые, как правило, одновременно являлись большими церковными праздниками. Уже в 1918 г. празднование Казанской иконе Божией Матери 22 октября (4 ноября) в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 г. торжественно отмечалось как день возрождения России. Одним из своих первых приказов на посту Верховного правителя и Верховного главнокомандующего адмирал А.В.Колчак восстановил празднование памяти Св. Великомученика и Победоносца Георгия 26 ноября (9 декабря) как праздник всей русской армии⁴. Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня 14 (27) сентября отмечалось как день всеобщего покаяния и скорби (особенно широкий характер это носило осенью 1920 г. в Русской армии генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля). Для всех вновь сформированных частей, учреждений и заведений Белой армии приказами высшего военного и

церковного начальства устанавливались дни полковых и ротных праздников. При этом для некоторых частей устанавливались даты полковых праздников старой армии.

Повсеместно войска привлекались к участию в официальных церемониях, связанных с крупными церковными праздниками и торжественными молебнами. Характерен и принятый в то время новый гимн Российского

государства — «Коль славен наш Господь в Сионе» композитора XVIII в. Д.С.Бортнянского, часто исполнявшийся на церковных парадах.

Однако за внешним благочинием и торжественностью в армии порой скрывалось отсутствие подлинного религиозного чувства. С одной стороны — формальное исполнение треб, с другой — такое же формальное присутствие на военных богослужениях. Часть военнослужащих вообще не участвовала в церковной жизни, которая с точки зрения «образованного общества» выглядела чем-то не совсем приличным, свойственным темным отсталым людям. Чтобы противостоять этому, сделать армию Православной по духу, а не по названию, усилий одного военного духовенства, созданного по образцу старой армии, в условиях гражданской войны было явно недостаточно.

Для Белого движения в годы гражданской войны армия была не только военной, но и единственной реальной политической силой, вокруг которой конструировался как государственный аппарат Белых правительств, так и всевозможные общественные организации и движения. В этой связи нельзя не сказать о взаимоотношениях Белой армии и церковно-общественных организаций.

В дни февральской и октябрьской революций этим организациям, вместе с другими «правыми», был нанесен огромный ущерб: одни из них были уничтожены, другие лишились всего имущества. Сотни их членов были арестованы или убиты. Но эти же события вынудили верующих более активно участвовать в общественной жизни

Смотр генералом В.З.Май-Маевским Корниловского учебного батальона. Кропление войск Святой водой. 1919. Из фондов РГА КФД

с целью защиты Православия. Создавались новые братства, союзы, оживлялась приходская жизнь. Церковное движение стало одним из самых массовых, превратилось в реальную и весьма значительную политическую силу, правда, недостаточно хорошо организованную.

На Востоке России, особенно в Сибири, братства наряду с подпольными офицерскими организациями весной — летом 1918 г. сыграли значительную роль в создании Белой армии. Делалась попытка организации Общесибирского союза приходов в целях согласованного выступления на выборах. На Юге России широкую известность получили основанное священником Владимиром Востоковым «Братство Животворящего Креста» и «Союз русских национальных общин».

В отличие от большинства своих политических оппонентов, церковно-общественные организации, как правило, имели достаточно определенные представления о будущем государственном устройстве России, основанном на идеях духовно-нравственного воспитания народа, христианской взаимопомощи и защиты Православной веры.

Главное внимание церковно-общественные организации справедливо обращали на армию, в которой они видели единственного реального гаранта Белого дела. В свою очередь, среди церковно-общественных деятелей было немало военных, в том числе и принадлежавших к высшему командному составу, — людей с большим опытом практической и организационной деятельности.

Так, генерал-майор А.Д.Нечволодов, известный историк, автор популярного «Сказания о русской земле», еще до революции, будучи в 1907–1909 гг. командиром 58-го пехотного Прагского полка, организовал среди его военнослужащих Свято-Никольское братство. В результате полк, в котором раньше происходили антиправительственные выступления, превратился в образцовую часть⁵.

Церковно-общественные организации являлись наиболее последовательными и активными защитниками интересов армии. Их агитационная и просветительская деятельность в годы гражданской войны также, в первую очередь, была направлена на разъяснение идеологии и политики Белого движения среди населения, на удовлетворение нужд и потребностей Белой армии.

Эти организации, обладая четкими нравственными и политическими критериями, вместе с тем демонстрировали исключительную гибкость и способность к компромиссу ради общероссийских интересов. Не разделяя многое в деятельности лидеров Белого дела, они в условиях гражданской войны не пытались играть в оппозицию, предпочитая любое, даже минимальное сотрудничество.

Однако высшее руководство Белой армии весьма неохотно шло на контакт с церковно-общественными организациями, ориентируясь более на либеральные или даже умеренно социалистические круги. И в игнорировании интересов этого общественного движения, способного составить надежную опору Белому делу, безусловно лежит одна из причин слабости антикоммунистического движения, приведших к его военному поражению.

Религиозный характер гражданской войны привел к убеждению, что единственной силой, способной обеспечить победу Белой армии, является Православие. С военной точки зрения взгляд на борьбу с большевиками как с вероотступниками, за веру и родину, привел к созданию специальных Православных воинских частей.

Необходимо отметить, что первоначально часть военного духовенства, в том числе и главный священник колчаковской армии, отрицательно относились к этой идее. В рапорте протоиерея А.Касаткина помощнику начальника штаба Верховного главнокомандующего, поданном 2 апреля 1919 г. «по поводу объяснительной записки к проекту организации христианских православных воинских частей по орденскому принципу (религиозному)», говорилось:

«В основу жизни воинских частей молодой нашей Армии положены начала воинской дисципли-

ны, любви к РОДИНЕ, религиозности и нравственности.

Посему говорить о создании новых частей на тех же принципах, значит — ломиться в открытую дверь.

Вопрос может быть разве о том, насколько ярко проводятся эти принципы в жизнь Армии. По сведениям, получаемым мною с мест, дело обстоит в этом отношении очень хорошо.

В каждом полку имеются Священники, пользующиеся высоким пастырским авторитетом и зарекомендовавшие себя в деле учительства и нравственного влияния на части с самой лучшей стороны; Богослужения не только совершаются, но и посещаются воинскими чинами весьма усердно; молитвы утренние и вечерние введены; с пороками, неизбежными по греховности человеческой природы вообще, и пастыри, и начальствующие лица борются.

О силе патриотического чувства, поддерживаемого пастырями и начальствующими лицами командного состава, говорят и те успехи на фронте и те случаи беззаветной храбрости, которыми покрывают себя доблестные воины молодой Армии.

Таким образом, говорить о создании каких-то новых частей на принципах религиозности, нравственности, любви к РОДИНЕ и уважения к дисциплине не только излишне, но и вызывает чувство обиды за нашу доблестную Армию, которая так ярко проявляет и в своей жизни, и в борьбе с неприятелем эти высокие христианские и гражданские принципы»⁶.

Однако со второй половины 1919 г. дружины Св. Креста все же становятся важным элементом в планах создания добровольческих формирований Белой армии на Востоке России. «Положение о дружинах Св. Креста» гласило:

«1) Дружина Св. Креста есть воинская добровольческая часть, рота, батальон, борющаяся с большевиками как с богоотступниками за веру и родину.

2) Каждый вступающий в дружину Св. Креста, кроме обычной присяги, дает перед Крестом и Евангелием обет верности Христу и друг другу и в знак служения делу Христову налагает поверх платья восьмиконечный Крест.

Примечание: Крест носится только в строю.

3) Подчиняясь обычной воинской дисциплине, дружина Св. Креста, кроме того, следует особым Правилам, исключаям пьянство, нечестивость, сквернословие, распущенность, притеснение мирных жителей и так далее.

4) Нарушающие обеты и правила подвергаются, кроме обычных дисциплинарных взысканий, извержению из дружин Св. Креста, а в особенно тяжких случаях и отлучению от Церкви как предатели дела Христова.

5) Каждая дружина Св. Креста, будучи воинской частью, есть в то же время и религиозное братство, имеющее своего небесного покровителя, имя которого носит (например, дружина Св. Гермогена, Св. Александра Невского, Св. Сергия Радонежского и так далее), и особые правила или братский устав, а все дружины образуют единое братство Св. Креста.

6) Все дружинники именуются братьями.

Примечание: В обращении солдат к офицерам допустимо слово “Брат” (присоединяют к чину, например, “Брат поручик”, “Брат капитан” и т.д.).

Примечание: Женщины, несущие службу при дружинах Св. Креста, именуется “Сестрами”.

7) При соблюдении всей строгости воинской дисциплины между командным составом и солдатами дружины Св. Креста устанавливается на время похода полное равенство в пище, удобстве и средствах передвижения и так далее.

8) В дружины Св. Креста могут поступать лица всех христианских исповеданий, при дружинах Св. Креста могут существовать и нехристианские отряды (например, мусульмане), сражающиеся за веру Единого Бога, подчиняющиеся своим уставам.

9) Дружины Св. Креста могут быть всех родов оружия, а равно могут быть соединяемы в более крупные части (дивизии, корпуса).

10) В случае недостаточной численности для образования самостоятельной части (полки, дивизии и так далее), дружина Св. Креста входит в состав других действующих полков, предпочтительно добровольческих, в виде отдельных батальонов, но никоим образом не распределяется между ротами полка»⁷.

Организационно дружины Св. Креста входили в общую структуру вооруженных сил и подчинялись начальнику всех добровольческих формирований генерал-лейтенанту Голицину и его уполномоченным в военных округах и крупных гарнизонах. Создание Православных частей велось активно. В одном Иркутске в ноябре—декабре 1919 г. были сформированы и отправлены на фронт две дружины (дальнейшую работу по их организации прервал антиколчаковский переворот).

На Юге России попытки организовать Православные части предпринимал священник В.Восток. Однако деникинское командование было менее склонно к этой идее, и она не получила широкого развития.

Поражение Белой армии в вооруженном противоборстве с армией Красной показало все несовершенство военно-политического и экономического устройства Белых правительств. Их временные государственные структуры во многом собрали худшие черты дореволюционного бюрократического аппарата и «нововведений» Временного правительства.

В Православно-мыслящих кругах общественности неизбежными стали поиски нового государственного устройства России, опирающегося непосредственно на церковные структуры и действующего, прежде всего, в полном соответствии с церковными канонами, уставами и традициями.

Безусловно признавалось традиционное первенствующее положение Православной Церкви, свободной и независимой в своих внутренних делах. Исключительное значение придавалось армии. Церковь и армия — вот две основы, на которых предполагалось построить новое Российское государство.

Основной ячейкой общественной жизни становился приход, который из чисто церковной организации превращался также в единицу местного самоуправления, социальной взаимопомощи, приобретал хозяйственные функции, получал максимально широкие права. На базе приходов, в свою очередь, формировались вышестоящие органы управления государством.

Стяг Воеводы Земской Рати. 1922.
С фотографии из фондов РГВА

Заседание Земского Собора. Владивосток, 1922. Из фондов РГА КФД

Система власти носила сословный характер в том смысле, что каждая социальная группа населения получала своих представителей в органах власти. Важнейшим принципом будущей власти была соборность — совместное единодушное принятие решений по важнейшим вопросам.

Попытки претворить эти идеи в жизнь делались церковно-общественными организациями неоднократно, однако реально эти планы начали воплощаться лишь летом — осенью 1922 г. в Приморском крае, где после острейшего военно-политического кризиса Временного Приамурского правительства и его вооруженных сил Белое движение возглавил генерал-лейтенант М.К.Дитерихс, бывший начальник штаба колчаковской армии, глубоко верующий человек.

М.К.Дитерихс сумел урегулировать противоречия между отдельными группами военнослужащих («семеновцев» и «каппелевцев»), приводившие к столкновениям и жертвам. В августе 1922 г. по его инициативе был создан Приамурский земский собор, в состав которого вошли выборные представители от всех слоев общества,

«от всяких чинов, как высших, так и низших».

О единстве церковной и новой светской власти свидетельствовало то, что своим почетным председателем собор избрал Патриарха Тихона. Генерал М.К.Дитерихс был избран правителем Приморья, он также возглавил вооруженные силы, реорганизованные в Земскую рать. Терминология новой армии была близка к существовавшей в добровольческих Православных частях.

В действие были введены временное положение о Приморском Поместном Совете и временные правила об организации по городу Владивостоку приходов как административно-хозяйственных единиц местного самоуправления⁸.

Однако незначительные силы Земской рати на крошечном участке дальневосточной земли уже не могли сыграть серьезной роли. К ноябрю 1922 г. последний очаг Белого движения на территории России прекратил свое существование.

* * *

История взаимоотношений Церкви и Белой армии в годы гражданской войны — это, прежде всего, история неиспользованных возможностей, материальных и духовных, от которых высшее Белое командование, делавшее ставку на помощь западных «союзников» и общественных деятелей либерального толка, поспешило отказаться.

Однако опыт этого взаимодействия, его результаты, как положительные, так и отрицательные, безусловно представляют особый интерес и требуют пристального внимания историков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

² Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 16. Л. 65–66 об.

³ Там же. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.

⁴ Там же. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

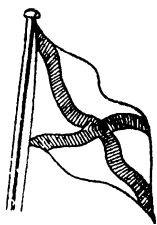
⁵ Военно-исторический журнал. 1990. № 10. С. 3–7.

⁶ РГВА. Ф. 40253. Оп. 1. Д. 6. Л. 10, 10 об.

⁷ Там же. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 7. Л. 113.

⁸ Там же. Ф. 40189. Оп. 1. Д. 2. Л. 32–38, 40–41 об.

КОРАБЛИ БЕЛОГО ФЛОТА

Наиболее многочисленными среди боевых кораблей основных классов Белого Флота (как и предшествовавшего ему Российского Императорского) были эскадренные миноносцы (эсминцы). Всего в 1918–1924 г. Андреевский Флаг на Черном и Каспийском морях, на Тихом океане и на Русском Севере носило более двух десятков кораблей этого класса, принадлежавших к нескольким различным типам. Наибольшую боевую ценность из них представляли собой новейшие эскадренные миноносцы типа «Новик», входившие в состав Белого Черноморского флота, и именно с «новиков» мы и начинаем публикацию справочных данных о белых эсминцах. В свою очередь, шесть этих однотипных кораблей относились к трем различившимся между собой сериям. Ниже вниманию читателей предлагается информация о новейшем эскадренном миноносце-«новике» из числа входивших в состав Белого Флота — «Цериго». Ввиду того, что постройка этого корабля не была завершена, тактико-технические элементы (характеристики) для него приводятся проектные или соответствующие однотипным ему эсминцам, ранее вступившим в строй.

«ЦЕРИГО»

Эскадренный миноносец 2 ранга типа «Феодониси» (с 9 января 1917 г. — «Фиодониси»). Относился к группе кораблей так называемой «Первой Ушаковской серии» (официальное название — «Третья серия эскадренных миноносцев “Новик” для Черного моря»), получивших свои имена в честь побед, одержанных русскими моряками под командованием адмирала Ф.Ф.Ушакова (1744–1817). Цериго — название оккупированного наполеоновскими войсками греческого острова (ныне — Китира) в Ионическом море, взятого эскадрой Ушакова 30 сентября 1798 г. в ходе Архипелагской экспедиции Российского Императорского Флота. Эсминец «Цериго» был официально зачислен в списки Российского Императорского Флота 2 июля 1915 г. с предназначением для Черноморского флота. Заложен на верфи завода «Руссуд» акционерной компании «Русское судостроительное общество» (из состава треста «Наваль»-«Руссуд») в Николаеве, официально в 1915(?) г., фактически — 19 (?) мая 1916 г. под заводским (стапельным) номером «С-154». Спущен на воду 21 марта (по другим данным — только 10 октября) 1917 г. В процессе достройки последовательно переходил под контроль немцев (с марта 1918 г.), красных (с ноября 1918 г.), украинцев (с января 1919 г.), вновь красных (с марта 1919 г.) и, наконец, белых (с 18 августа 1919 г.). 25 января 1919 г. был официально зачислен в состав Украинского Государственного Флота под именем «Киев». С осени 1919 г. официально числился «временно вступившим в

строй» и был включен в состав Белого Флота (командиром был назначен капитан 2 ранга Задлер), однако фактически достройкой закончен не был и в строй окончательно не вводился (не имел хода из-за неготовности главных корабельных механизмов), и поэтому участия в боевых действиях не принимал. В январе 1920 г. переведен для окончательной достройки из Николаева сначала в Одессу, затем — в Севастополь. 15 ноября 1920 г. под французским и Андреевским флагами отбуксирован из Севастополя в Константинополь (Стамбул, Турция), 21 декабря 1920 г. — оттуда в Бизерту (Тунис), где 29 декабря 1920 г. интернирован французскими властями. 29 октября 1924 г. официально спустил Андреевский Флаг и перешел под французский контроль. В 1925 г. разобран на месте на металл.

Водоизмещение — 1326 т. Главные размеры: длина — 92,51 м, ширина — 9,1 м, осадка — 3,2 м. Главные механизмы — 2 паровые турбины общей мощностью 29000 л.с., 5 котлов (запас нефти — до 390 т), 4 гребных винта. Скорость максимальная — 34 узла. Дальность плавания — 1900 миль 17-узловым ходом или 1600 миль 21-узловым ходом. Вооружение — четыре 102-мм и два 57-мм орудия, четыре 7,62-мм пулемета; четыре трехтрубных 457-мм торпедных аппарата; 80 морских мин заграждения. Штатная численность экипажа — до 137 человек (из них офицеров — 10, кондукторов — 6, унтер-офицеров и нижних чинов — 121).

ПОЛЕТ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА 23 МАЯ 1920 ГОДА

25 мая 1920 года¹ Русская Армия генерала П.Н.Врангеля, неожиданно для противника перейдя в наступление, прорвала оборонительные позиции 13-й армии красных и вырвалась из «крымской бутылки» на просторы Северной Таврии. Основной удар был нанесен на Перекопском участке силами 1-го армейского корпуса, которым командовал известный Белый военачальник генерал-лейтенант А.П.Кутепов. События прорыва довольно хорошо известны историкам и расписаны буквально по часам, если не по минутам, однако мало кто знает, что судьба этой операции была поставлена под удар всего за два дня до ее начала...

Стремясь наиболее тщательным образом провести рекогносцировку, генерал Кутепов 23 мая вылетел в качестве наблюдателя на разведку, краткие сведения о которой содержатся в полетном листе (архивный фонд 1-го Авиационного имени Генерала Алексеева Отряда):

«23 мая 1920 г. самолет ДН-9 С6294.

Экипаж: капитан Бордовский И.М. (командир 1-го авиотряда)

генерал Кутепов (командир 1-го корпуса).

Задание: осмотр укреп. позиций Перекопского перешейка.

Маршрут: Токульчак — Армянск — Преображенка — Первоконстантиновка — Токульчак.

Вылет в 6 ч., посадка в 7 ч. 40 мин.

Продолжительность полета 1 ч. 40 мин.

Результаты: Самолет красных над Преображенкой пытался атаковать, но, видимо, у него заел пулемет, и он, не подойдя близко, круто свернул на север»².

Этот же полет был описан в книге эмигрантского автора А.П.Матвеева «Разбитые крылья». Личность самого Матвеева установить пока не удалось, но очевидна его высокая осведомленность в описываемых событиях. Например, в третьей главе автор рассказывает о некоем капитане «Иване Ивановиче», воевавшем в авиации Врангеля. Многие факты службы этого летчика совпадают с достоверными архивными данными и дают полное основание отождествить его с капитаном Иваном Михайловичем Бордовским. Службу в военной авиации он начал летчиком-наблю-

дателем во 2-м корпусном отряде в 1-й боевой авиатруппе А.А.Казакова, с осени 1918 года был летчиком 2-го авиотряда Добровольческой Армии, затем — 1-го авиотряда имени Генерала Алексеева. С октября 1919 по март 1920 года — летчик 1-го Кубанского казачьего авиотряда, в Крыму с марта по июнь 1920 года — командир 1-го имени Генерала Алексеева отряда. 10 июня 1920 года И.М.Бордовский за боевые отличия был произведен в подполковники с переименованием в полковники, со старшинством с 21 февраля 1919 года. Умер этот доблестный военный летчик в Париже в 1971 году. Вот как описывается в книге Матвеева его полет 23 мая 1920 года:

«Ранним утром на двухместном аэроплане вылетел Иван Иванович вместе с генералом Кутеповым. Во время полета показывал рукой внизу на проволочные заграждения и кричал:

— Одна, одна линия. Видите, ваше превосходительство?

Кутепов утвердительно качал головой.

Показал также ему расставленные батареи противника и затем направился к Аскания Нова³ для наблюдения в тылу за красными резервами.

Давая объяснения генералу по поводу каждой выделяющейся на земле точки, Иван Иванович не заметил, как слева от него показался «Нью-Йорк» с ярко выкрашенными пятиконечными звездами. Обернулся к Кутепову. Он сидел спокойный, внимательно следя за землей.

— Повезло тебе, товарищ, — хотел крикнуть Иван Иванович, но, обернувшись к Кутепову, показал ему рукой на приближающиеся красные звезды.

Генерал-от-инфантерии
А.П.Кутепов. Ок. 1922

— Видите?..

Генерал повернул голову в больших авиационных очках и застыл, прикованный поблескивающим на солнце противником.

С одним пулеметом, стреляющим через винт, Иван Иванович решил не атаковать «Ньюпора», а маневрируя, т.е. ставя свой аэроплан как можно дальше от противника и уменьшая тем площадь его прицела, уходить к себе на аэродром, подальше увозя свой ценный груз.

Тра... та... та... издали залаял пулемет на красной звезде, вдруг остановился, как бы подавился и замолчал.

— Теперь мне повезло, товарищ, — сказал громко Иван Иванович.

— Что? — крикнул Кутепов.

— Заело, заело, слышите? — и Иван Иванович повернулся к Кутепову широко улыбающимся лицом, — уходим, скорей, — и, не ожидая ответа, резким выражением показывая красному летчику трехцветные круги¹, пошел по направлению к своим позициям.

Красный «Ньюпор» повернул за ним, пролетел несколько минут, забирая высоту как бы для атаки, потом вдруг сделал небольшой круг и ушел к Аскания Нова»⁵.

В районе, где производил разведку «Хэвиленд» капитана Бордовского, дежурили красные «Ньюпоры» Перекопской авиагруппы И.К.Спатареля, состоявшей из боевых звеньев 5-го и 6-го истребительных отрядов (2-го авиадивизиона истребителей) и 48-го разведывательного отряда. Аэродром группы находился в Аскании-Нова. К 23 мая (5 июня нового стиля) на этом аэродроме находилось лишь 4 исправных истребителя: «Спад-7» К.Скаубита, «Ньюпор-23» Я.Гуляева (оба — 5-го истребительного авиотряда), «Ньюпор-23» Н.Васильченко (6-го истребительного авиотряда) и «Ньюпор-23» В.Иншакова (48-го разведывательного авиотряда).

Основной задачей красных истребителей была охрана фронта от неприятельских самолетов. Встречи в воздухе с противником происходили часто, но без особого успеха для обеих сторон. Например, 22 мая два красных «Ньюпора-23» (летчики Гуляев и Васильченко) над Строгановкой атаковали производивший разведку ДН-9 1-го авиотряда (экипаж — подпоручик Иванов и поручик

Плонский). У Гуляева после первой же очереди пулемета в патронник заскочило два патрона, и его дальнейшее участие в бою стало лишь демонстративным⁶. На аэроплане же Васильченко «во время боя лопнул капот и отстало полотно на верхней плоскости»⁷. Белые летчики, в аппарате которых насчитывалось пять пробоин, отстреливаясь, ушли в сторону Сиваша и благополучно вернулись к своим⁸. За весь период боев с Врангелем красным, по их источникам, удалось лишь один раз подбить «Хэвиленд». Вот и 23 мая

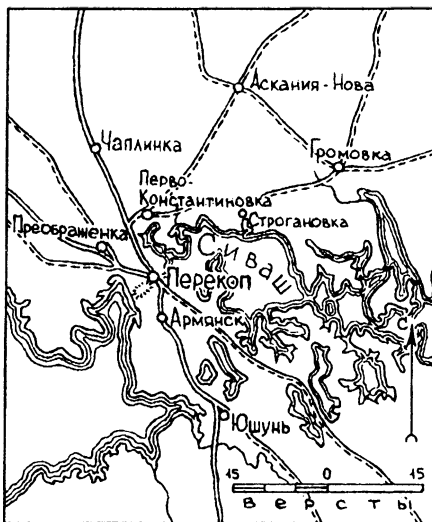
краснолет смог неожиданно атаковать увлекшегося разведкой противника, но опять заел пулемет!

К сожалению, пока не удалось обнаружить, кто летал в этот день. Вероятно, это был Иншаков (полетный лист 48-го отряда пока не найден), т.к. Васильченко в этот день не поднимался в воздух, а Гуляев и Скаубит совершали разведку с 8 ч. 15 мин. до 9 ч. 45 мин. (т.е. уже после посадки Бордовского). Наверное, в его полетном листе появилась запись типа: «...встретил неприятельский самолет, завязал с ним бой, после выпуска первой очереди пат-

ронов у меня заел пулемет и пришлось повернуть на свой аэродром».

Как бы то ни было, генерал Кутепов счастливо избежал гибели или плена, а красный летчик так никогда и не узнал, какой шанс он упустил. Вскоре оборона большевиков была прорвана, и их самолетам пришлось спешно бросать свой аэродром в Аскании-Нова.

М.ХАЙРУЛИН

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все даты указаны по старому стилю.

² РГВА. Ф. 39527, оп. 1, д. 4, л. 24.

³ У Матвеева всюду — «Оскания Нова».

⁴ Эмблема Русской, а затем Белой авиации (розетки цветов национального флага), нарисованная на крыльях.

⁵ Матвеев А.П. Разбитые крылья. — Берлин, б.г. — С. 168–169.

⁶ РГВА. Ф. 11834, оп. 1, л. 13, л. 22.

⁷ Там же. Ф. 11840, оп. 1, д. 14, л. 6.

⁸ Там же. Ф. 39527, оп. 1, д. 4, л. 21.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№ 8 (137)

1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДИ БЕЛОГО ДЕЛА. ПАМЯТИ В.В.ЗВЕГИНЦОВА	1
† В.В.Звегинцов	
ЭСКАДРОННЫЕ И БАТАРЕЙНЫЕ ЗНАЧКИ РУССКОЙ КАВАЛЕРИИ И КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ НЕУСТАНОВЛЕННЫХ ОБРАЗЦОВ	6
А.Васильев	
ЧЕРНИГОВСКИЙ ГУСАРСКИЙ ПОЛК В КАВАЛЕРИЙСКОЙ АТАКЕ ПРИ ОЛЕШИЦЕ 2 ИЮНЯ 1915 ГОДА. Окончание	11
РИСУНКИ ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА. Окончание	22
М.Фомин	
БАТАЛЬОН СМЕРТИ 38-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ	26
В.Цветков	
ПУЛЕМЕТНЫЕ КОМАНДЫ В СОСТАВЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ	32
И.Гиркин	
БРОНЕПОЕЗД «ДОБРОВОЛЕЦ». БОЙ ПОД ФАСТОВОМ 12 НОЯБРЯ 1919 ГОДА	39
Н.Егоров	
ЦЕРКОВЬ И БЕЛАЯ АРМИЯ	44
К.Стрельбицкий	
КОРАБЛИ БЕЛОГО ФЛОТА	49
ДОКУМЕНТ ИЗ «РОССЫПИ» ПОЛЕТ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА 23 МАЯ 1920 ГОДА	50

Главный редактор **А.КРУЧИНИН**
Соучредители **А.ВАСИЛЬЕВ, А.ЕЗЕЕВ, А.КРУЧИНИН**
Художник **А.ПЕТРОВ**

© «ВОЕННАЯ БЫЛЬ», 1996

Адрес редакции: 109457, Москва, ул. Ф.Полетаева, д. 8, корп. 2, кв. 46

Перепечатка только с разрешения редакции. При перепечатке ссылка на «Военную Быль» обязательна.

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации. Свидетельство о регистрации № А-0154 от 10 декабря 1992 г.

Типография ГПИБ. Заказ 178. Тираж 250 экз. Цена свободная